

Соня Дивицкая

ЖЕНСКИЕ ТРАГЕДИИ

ИСТЕРИЧКА

Соня Дивицкая

Истеричка. Женские трагедии

«Издательские решения»

Дивицкая С.

Истеричка. Женские трагедии / С. Дивицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696637-6

Сборник рассказов, современная проза, драма, юмор. Любовь, измены, ревность, ранний брак, неудачи в личной жизни, холодный муж, одиночество, психологическая травма, сложный характер и другие острые женские проблемы. Темы серьезные, стиль легкий. Ирония автора вводит в заблуждение читателя, который может относиться к незнакомой книге с предубеждением, однако по отзывам критиков, это крепкая проза, книга издается уже второй раз.

ISBN 978-5-00-696637-6

© Дивицкая С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Розовая кофточка	7
Истеричка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Истеричка Женские трагедии

Соня Дивицкая

© Соня Дивицкая, 2026

ISBN 978-5-0069-6637-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Раньше я тоже была истеричкой. Случалось. Я легко срывалась на крик, если слов не хватало доказать свою правду, и за рулем орала, если кто-то меня подрезал, посуду била, если муж меня игнорил, рыдала, если сыну ставили тройк... У меня были резкие жесты, я хлопала дверью, на нервной почве разрешала себе нажраться на ночь, а иногда и напивалась с такими же, как я, ненормальными подружками.

Мы были нервные как минимум. И каждый свой срыв оправдывали: не мы такие, жизнь такая. В этом, наверное, была доля правды, ведь человека в немалой степени делает среда. Мы стали истеричками, потому что росли в агрессивном обществе. Кто громче рявкнул – тот царь зверей, к такому поведению мы привыкли. «Пойду и разберусь со всеми!», «Меня достали!», «Женщина, куда вы прете?», «Я сейчас тебе всю морду разобью!»... – такое мы слышали с детства, это были те самые выхлопные газы, к которым мы принюхались и перестали их замечать. Мы плавали в истеричной водичке, и нам казалось, что это норма. До тех пор, пока из нашей компании не начали пропадать люди. Кто-то замыкался в себе, кто-то начинал болеть, некоторые даже заканчивали жизнь самоубийством. Только не подумайте, что я жила в каком-то маргинальной секте, нет! Оглянитесь, и возле вас, наверняка, есть люди, которые погибли потому, что не справились с управлением, не научились управлять собой.

Когда я поняла, что той энергии, которую я трачу на невроз, могло бы хватить на отопление пятиэтажки, мне стало страшно. «Как жить? – я задала себе вопрос. – Как жить, если ты истеричка?» Да никак! В моем случае ответ был один: бери стул, садись за стол и пиши книжку.

Вот так меня и осенило нарисовать серию женских портретов – женщина в момент истерической реакции. Я сколотила себе интересную компанию, мои бабенки друг на друга совсем не похожи, но их объединяет одно – хотя бы раз в жизни каждая устраивала истерику.

Розовая кофточка

Мне сказали, что я истеричка. Потому что я устроила дебош за столом. У нас ведь как в народе повелось? Чуть где какая баба завизжала – про нее сразу говорят: истеричка.

Ха! Ха! Ха! – вот что я думаю по этому поводу.

Это случилось на дне рождения у Танечки, сестры моего мужа. Гостей было много, поэтому на всякий случай объясню: у меня есть муж, у него сестра Танечка. Тридцать пять ей исполнилось, и она пригласила друзей. Среди них была девушка в розовой кофточке. Вот она мне в лицо и орала: «Истеричка!» Нет, не так. «Ты что? – она спросила, – Истеричка?!» Сомневалась, значит, на подсознательном уровне. И правильно, это еще нужно посмотреть, кто тут из нас истеричка.

Что уж такого я сделала? Метнула в розовую кофточку бокал вина, красного. При этом я была абсолютно спокойна, я помню, красное вино не отстирывается, поэтому целилась аккуратно в кофточку, чтобы не обрызгать других гостей. И все были счастливы! Все были довольны, все хотели сделать то же самое, но просто стеснялись.

А началось все чудесно. Белый стол в белом зале, окна в сад... Октябрь, хризантемки, теплый вечер – отдыхай и радуйся! И яблоки тебе в траве валяются, и капли с голых веток падают мокрую траву после дождя, и бабочки стеклянные горят на клумбах. В торт поставили свечки, тридцать пять свечей воткнули в торт, и всем гостям было примерно столько же...

До поры до времени Розовая кофточка сидела тихо, если не считать странный тост, который она пыталась произнести.

– Не волнуйся, – говорила она Танечке-имениннице, – у тебя еще все впереди, не грусти, что годы проходят. Зато теперь все свои неудачи ты сможешь превратить в бесценный опыт. Главное – не забывай, что мы все тебя очень любим. И я, твоя лучшая подруга...

Это было еще не все! Дальше начались искренние пожелания. Прибавления в семействе, помню, она пожелала:

– ... в кратчайший срок, а то время идет, ты смотри – не откладывай, часики тикают. Один ребенок – это что? Это ничего! Рожай скорей еще, подруга! Не ленись! Пока болячки не посыпались, давай, давай, рожай скорее, не тяни!

Мы с любезным папочкой, с моим свекром, отцом, соответственно, Танечки – именинницы, друг другу подмигнули, и он прервал эту трансляцию громким выстрелом. Шампанское открыли, фужеры зазвенели. «Поздравляем! Поздравляем!» – мы засмеялись оживленно, так что беду на какое-то время удалось отвести.

Прошу заметить, что лично я с гостьей в розовой кофточке в прямой контакт не вступала. Я вела себя прилично, крутилась на кухне, прогуляла детей, чтобы они как следует проголодались, шутила со свекром. Он, кстати, сказал, что хочет подарить мне бассейн. Так и сказал: «Рыбка моя! Хочу тебя побаловать. Мне кажется, тебе нужен бассейн». Это само по себе не так уж и важно, привожу только в качестве алиби. Сейчас вы увидите – не я все это начала.

Мужчины вышли на улицу подышать перед тортиком, а девушки остались за столом и лепетали о всякой ерунде: о детях, о мужьях, о шмотках, о рецептах – и, как всегда, от таких разговоров мне захотелось есть. Наступил тот святой момент, когда у меня просыпается аппетит. Он всегда просыпается в конце вечера, и все у нас в семье об этом знают и никогда не лезут под руку. В общем, я дозрела и посмотрела на гуся.

Гусь, запеченный с черносливом и грушами, уже ополовиненный, лежал на блюде. Я взяла тарелку и приглядела себе кусочек. Все дамы за столом признались, что вообще-то побаиваются гусей и сами готовить их не умеют, но этот!.. Этот оказался шедевром, и все спросили у именинницы, да, да, у Танечки, сестры моего мужа, все спросили: а как же так ей удалось? Танечка, хотя и с неохотой, начала выдавать свои тайны приготовления гусятины.

Я положила себе кусок этой птицы и пару печеных груш. Мне было все равно, как приготовлен гусь, я не собиралась повторять чужие подвиги и теорию гуся не слушала. Я налила вина и приступила к практике. Гусь удался, мясо таяло, кислила грушка, вино добавляло терпкости... Мне было не то что вкусно, мне было «О-о-о! Как вкусно!» И тут за стол явилась эта прелесть в розовой кофточке.

До сих пор она крутилась у рояля. Хозяин дома, Руслан, муж Танечки-именинницы, подбирал романс. Он любит русские романсы, русские поля, русских борзых, русских женщин, русскую охоту, как многие татары. И вот он подбирал свое любимое «Я уеду, уеду, уеду», и Розовая кофточка подпевала ему чистенько, высоко: «Не держи, ради бога, меня». Русланчик наш перебирал, перебирал по черным и по белым двумя пальцами и даже четырьмя, а Розовая кофточка качала рядом бедрами своим стройными, точеными своими бедрами качала эта подозрительная женщина, и восхищалась: «Ах, какая чудесная музыка!» Кстати, хронические истерички склонны к восклицаниям.

Я облизнулась. «Прелестный вечерок, – думаю, – окно блестит, луна сияет, гусь ароматит, еще и рояль...» И вдруг свернули музыку, хозяин дома выдумал стрелять из арбалета, татары любят из арбалета, а Розовая кофточка пришла за стол и сразу ко мне прицепилась.

– Сонечка! – сказала она, – а ты чего так поправились? А? Прямо заметно поправились...

Вы видите? Только села и сразу начала задавать вопросы. Красавица работала в администрации, помощницей мэра, они там все привыкли спрашивать и ни за что не отвечать.

– А ну ка говори, что у тебя случилось? Стресс? А ну ка признавайся...

Танечка-именинница, конечно, после такого вступления вздрогнула и на меня тревожно посмотрела. Да, каюсь, каюсь, я люблю поколотить посуду, но это был не тот случай. Она мне говорит «поправились», а я и бровью не повела, гусь был у меня на первом плане.

Тогда эта умница в розовой кофте повторила еще раз:

– Да, да, да, Сонечка, поправились, поправились! Я тебя видела год назад. Ты была лучше! Ты сколько прибавила? Килограмм, наверно, пять? Не меньше. А то и все восемь! Точно! Я же вижу, наверняка не меньше восьми. А то и десять! Признавайся, Сончик, десять килограмм прибавила? И всего за год?

Девушки замолчали. Отложили свои вилки, тарелки и ждут. Розовая кофточка строго покачала маленькой аккуратной головкой, у нее, кстати, все безупречно аккуратное, что тоже не очень хороший признак.

– Нет, нет, нет... Лишний вес тебе не нужен. Давай, давай скорее все скидывай обратно.

Я не ответила. Ни единым словом. Я огляделась в поисках острого соуса. Может, это было и лишнее, но мне захотелось добавить в свое блюдо острый красный соус.

– Как гусь? – спросила Танечка-именинница и на всякий случай пересела от меня подальше.

– Очень! – говорю.

Танечка улыбнулась немножко натянуто, у нее появились предчувствия.

– А какой будет торт... – попыталась она разрядить атмосферу.

– Торт! Торт! – обрадовались девочки.

– А я завтра попробую торт, – сказала Розовая кофточка. – Сегодня в меня уже ничего не влезет. Я давно привыкла кушать понемногу. Нужно только начать, – она мне кивнула, – да, Соня, да. Себя нужно заставить. И ты не пожале-е-ешь!

Торт в меня влезет, я даже в этом и не сомневалась. Сначала кусочек гуся, пару груш, а потом торт. Я люблю есть в конце банкета, во время общего застолья мне обычно некогда, приходится поддерживать беседу, помогать хозяйке, следить за детьми, а в конце вечера можно чваниться над тарелкой неторопливо, еда всегда вкуснее среди подвыпивших сытых людей. И вот я приготовилась вкушать, вилочку взяла, нож. А нож был и не нужен, мяско распадалось!

Невероятно, но гусятина таяла, и сладкий жир как мед стекал, в него хотелось окунуть кусочек белой пресной булочки. И только я настроилась – меня снова смутили.

Розовая кофточка опять ко мне пристала.

– Понимаю, понимаю, – говорит, – толстеть легко, худеть трудно. А потому что возраст уже! – она надавила звонким своим голосочком. – Возраст! Это раньше денек на диете – и все в норме, а теперь за каждый кусочек придется попотеть. Но ты давай, давай, не тяни, начинай уже сбрасывать. В прошлом году ты была такая секси!

Обратите внимание на данный тезис. Бессвязный лишенный смысловой нагрузки бред. И уже в нем хороший психиатр безошибочно заметит ряд особенностей, присущих хроническим истеричкам. Поверхностность суждений – налицо, склонность к фантазированию – есть, неустойчивость настроения – увидите скоро, стремление привлечь к себе внимание – очевидно. И плюс агрессия немотивированная. Куда, спрашивается, ехать дальше? Люди! Люди! Кто пустил эту женщину в приличный дом?

Я с удовольствием взяла бы эту девку за ухо и выставила за дверь. Но она была не моей гостьей и не в моем доме. Поэтому я положила нож и спросила Танечку, хозяйку:

– Может быть, девушке нужно объяснить? Она, наверное, не в курсе, обычно у нас за столом одну и ту же глупость три раза не повторяют.

– Не повторяют... – Танечка кивнула осторожно.

– А я повторю, повторю! – запрыгала Розовая кофточка. – Вот если бы моя подруга честно мне сказала, что я поправилась, я была бы ей благодарна. Я сказала бы ей спасибо. Со стороны всегда заметнее. – Она обратилась к собранию: – Ведь правда, девчонки?

Девчонки промолчали, с тоской поглядывая на торт. Худеньких за столом не наблюдалось. Все, кроме Розовой кофточки, были серьезные дамы. Девочки любили покушать, они умяли гусятину, расстегайчики я вообще не застала, прошли стороной, так я и не узнала, что же это за чудо. И теперь довольные чревоугодницы за легким разговором цепляли на вилку какую-нибудь вкусную безделицу, какой-нибудь несчастный ломтик малосольной семги, кусочек сыра и заодно оливочку, небрежно, мимоходом ее нямс, и вином это все, одним глоточком, под настроение. Девочки желали отдохнуть, они предвкушали пьяную вишню, а тут им заявили такую неаппетитную тему. «Че те надо?» – все подумали и потупились в тарелки.

Розовая кофточка ответа не дождалась и развлекалась сама с собой:

– Я думаю, лучше сказать человеку правду о его недостатках, чтобы он вовремя спохватился. Не обижайся, Соня. Я просто знаю, как легко набрать вес и как трудно держать себя в форме. Особенно после тридцати! Ну я же помню, в прошлом году ты была вся такая супер...

Лично мне цели и задачи Розовой кофточки были предельно ясны: девчонка хочет поплясать на чужой макушке, чтобы повисить свой уровень. Зачем, почему она лезет ко мне на горбушку, кто ее в детстве обидел, о том я не знала, я видела Розовую кофточку пару раз в год, исключительно в доме у Танечки. И только одно было мне неприятно в данной ситуации – торт на подходе, гусь тает, окно блестит, луна всей мордой улыбается, и вдруг какая-то посторонняя баба ломает мне эстетику.

К столу подбежала девочка, дочь Розовой кофточки, девчонка начала что-то быстро шептать. Розовая кофточка поправила ребенку розовый бант и улыбнулась. Так добросовестно улыбнулась, как будто снималась для рекламы памперсов.

– Котенок! Что случилось?

Ничего не случилось, наверняка пришла ябедничать на моих детей. Дети играли в зале с роялем, и это был еще один повод для моего безграничного терпения.

Я очень хотела вести себя прилично. Для того чтобы я вела себя прилично, необходимо обеспечить три простейших условия: меня обязательно нужно покормить. Аппетит перебили, и что я могла гарантировать в таком случае?

Нет, я не сразу кинулась в атаку, я попыталась выдержать нейтралитет и даже удалилась из-за стола. Решила дать Розовой кофточке немножко времени, чтобы она прониклась и осознала. Гусь не убежит, я подумала, и вышла в сад.

На улице мужчины забавлялись с арбалетом, стреляли в мишень. Она висела на старой груше, ее освещали луна и фонари. Мой муж и Танечкин начали соревнование до ста очков. Кто первый набирает, тот выиграл.

Мне тоже захотелось выпустить стрелу. Я попросила арбалет и мысленно поставила к черному стволу эту милую девушку в розовой кофточке. Я прицелилась и быстро, пока рука не дрогнула, отпустила стрелу. Моя стрела задрезала на десятке. И какая же я после этого истеричка?

Нет, я не истеричка, я еще только учусь. Отрабатываю технику истерических манипуляций. У меня были хорошие учителя, к примеру, моя классная руководительница. Она была настоящим мастером истерики. Каждый раз, когда в школу наезжала проверка РОНО, наша любимая учительница усилием воли вызывала слезы на своем монументальном лице, хваталась за сердце и с размаху бухалась в обморок. Прямо перед комиссией. Женщина весила центнер, ничего не боялась. Только инспектора в кабинет – она сразу в обморок. И после этого никто не совал нос в наш классный журнал. А журнальчик у нас был крапленный, наша классная рисовала там недостающие пятерки. Таким образом, ей удалось наштамповать двенадцать золотых медалей. Хватило всем желающим. Таких рекордов не ставила ни одна средняя школа. Это была самая лучшая учительница в нашем городе, она дурила все РОНО, как первоклассников. И нам говорила: «Учитесь, ребята! Пока я жива». С тех пор мы все!.. Мы, все ее ученики, двенадцать медалистов, умеем падать в обморок, с размаху, если требуется.

Могу подтвердить: иногда резкие жесты помогают решить вопрос быстро. Тут как с детьми, включил малыш сирену – и оппоненты сразу отступают. Этот фокус срабатывает часто, потому что люди боятся громких криков, слез, разбитого стекла. И я их понимаю. Ну страшно! Просто страшно иногда становится. Не каждый сможет различить: где настоящие аффективные вопли, а где военные маневры.

Конечно! Безусловно! Истерический прием не безупречен, он всегда является признаком дипломатического поражения. Его нужно использовать только в самом крайнем случае. Поэтому в нашей семье заведена традиция решать проблемы тихой сапой. И в этом моя свекровь – непревзойденный виртуоз.

К примеру, в далеком прошлом Роз Михална захотела развестись с первым мужем, а он никак не соглашался. Суд ей отказал, тогда она и предложила своему первому: «А поезжай-ка ты в Анадырь. Там хорошо! А как устроишься, я к тебе и приеду». Мужчина поехал на край земли, за десять тысяч километров. Наша добренькая мамочка писала ему письма и в каждом обещала: «Уже, уже! Скоро, скоро! Выезжаю». Через два года несчастный получил по почте свидетельство о разводе. Он не знал, что наш гуманный суд автоматически разводит супругов, которые не живут вместе более двух лет.

Моя свекровь, конечно, молодец, аплодисменты женщине, но ей пришлось ждать результат два года. А если времени в обрез, тогда истерическая манипуляция – самое то. Долговременного эффекта не дает, зато срабатывает быстро.

И не только женщины! Мужчины давным-давно используют такие методы убеждения. И снова не придется далеко ходить за примером, мой свекор освоил эти штучки еще в ранней молодости, когда задумал жениться на нашей добренькой мамочке. Его родители были в шоке: разведенка! На десять лет старше! охмурила мальчика! Будущей невестке побили окна, писали жалобу в обком, невесту хотели привлечь за растление. И тогда наш любезный папочка взял табуретку, швырнул ее в окно и зарычал: «Еще одно слово – я вам все окна повыбиваю!» Сработало. И ничего страшного тут нет, иногда можно и порычать для общего блага. Отсюда делаем простейший вывод: в хорошей истерике все как с алкоголем: главное – не злоупотреблять.

Только имейте в виду, децибелы – отнюдь не самый главный показатель истерики. Многие из хронических мелких истеричек, которые спускают пар всю жизнь и понемножку, очень часто разговаривают тихо. «Потише, – они говорят, – потише» – и ставят брови в скорбный мостик и лечат, они все время лечат своих вечно сопливых детей. «Осторожно», «аккуратней», «не шумите», «не бегайте», «не сорите» – они любят все это повторять раз по десять, им очень нравится наставлять на путь истинный и учить, что, кстати, и подтверждает случай с Розовой кофточкой.

Вопли, крики, слезы, битье себя в грудь, попытки кусаться, непроизвольный смех – все это, конечно, очень интересно, но очень часто настоящие истерические приступы проходят в полной тишине, особенно если они как-то связаны с огнем. Когда я сжигала первый тираж своей книги, я не кричала и не визжала, я молча кидала в огонь книжку за книжкой, тысячу книжек сожгла и не сказала ни слова.

Вы можете меня спросить: «Почему же я так долго терпела эту Розовую кофточку?» Да, я могла бы сразу, как наш папочка, взять стул и быстренько убрать помехи из эфира. Но нельзя же! Нельзя вот так вот сразу. Презумпция невинности! Я должна была допустить, что Розовая кофточка затеяла свой глупый разговор о моих формах по неведению своему, по простоте душевной и после небольшой паузы она догадается сменить пластинку. Я досчитала не то что до десяти, я стреляла из лука минут десять, прежде чем снова вернулась к столу.

Мои надежды оказались напрасными. Розовая кофточка читала толстушкам лекцию о раздельном питании.

– Шестьдесят! – она сообщила всем объем своей талии. – Я слежу за собой, не расслабляюсь, гусятину ни-ни, не ем, и поэтому у меня всегда стабильно: девяносто, шестьдесят, девяносто!

Танечка-именинница, ей похлопала, реденько так, зловеще – хлоп-хлоп-хлоп.

– Ничего сложного, – Кофточка поправила ровную челку, – главное – считать калории.

Собрание криво поморщилось. Дамы устали, все-таки розовый утомляет глаза. Тем более что у каждой объем талии был как минимум семьдесят, это я так... по-братски предполагаю, а там глядишь, и все восемьдесят, если не больше, не говоря уже о прочих габаритах.

Я под села к своей тарелке с гусем. Отломилла мягкую булочку, окунула ее в грушевую мякоть – и тут опять в мои окопы запустили ядовитый газ.

– Вот посмотри, – Кофточка сказала, – Соня, смотри. Сейчас у тебя на тарелке больше тысячи калорий!

– Не может быть! – засомневались толстушки.

– А вы посчитайте, – она усмехнулась и принялась у меня на глазах четвертовать моего гуся, – мясо жирное потянет калорий на шестьсот, если не больше...

– Да ну? – Танечка тоже удивилась.

– Да, да, да, а что вы хотели? Гусятину! Сплошной жир! Груши в меду – тоже не меньше двухсот. Соус... Соус – это вообще смерть фигуре. И еще хлеб! – она улыбнулась, как будто застучала меня с бутылкой у шкафчика. – Вон у тебя булочка лежит! Ага! Ага! А время сейчас уже сколько? Десятый час. А впереди еще торт... И это, не считая алкоголя! Один бокал вина – сто пятьдесят калорий, а сколько ты у нас сегодня выпила?

Розовая кофточка торжествовала, как прокурорша на процессе. Я отодвинула гуся. Глотнула винишка. И решили дать ей последний шанс.

– Рыбка моя, – я у нее спросила, – подумай хорошо и скажи, что тебе нужно для счастья? От меня лично?

– Ага! Неприятно! Неприятно! – обрадовалась кофточка. – Это сейчас! А потом ты мне скажешь спасибо! Вот когда будешь секси, как в прошлом году, сама подойдешь ко мне и скажешь «спасибо!». Тебе нужна кетоза, ты знаешь, что такое кетоза? Волшебная диета! Посмотри

на меня, я регулярно сижу на кетозе. Тяжеловато, конечно, не каждая выдержит. А ты соберись! Стисни зубы! Ты тоже быстро приведешь себя в норму, ты начнешь себе нравиться, и муж на тебя будет смотреть другими глазами. Да, а ты думаешь, муж не замечает эти твои десять килограмм? Думаешь, он тебя не сравнивает с другими женщинами?

Монолог был слишком длинным, и в моих планах его не было, в моих планах был гусь и торт. Поэтому я встала, это удобнее, когда выступаешь публично. Я встала и превысила уровень шума. Иначе нельзя. Хорошая громкость – необходимое условие для проведения истерической атаки.

Речь была краткой, форма стандартная, слова народные. Я попросила Розовую кофточку представиться и объяснить, с какой целью она пришла в этот дом. Потом я сообщила ей короткий адрес, по которому она может проследовать, чтобы там и читать свои интересные лекции по кетозе.

Именинница зажмурилась и прикрыла ушки. Танечка игриво пугалась при каждом жестком слове и прятала с трудом, с трудом Танюшка прятала веселую улыбку. Мужчины наш милый женский шум слышали с улицы, входить не решались. Розовая кофточка сидела на прежнем месте, за столом, напротив меня. Она сложила руки крест-накрест, задрала нос и выдвинула подбородок.

– Соня! – заявила мне эта чиновница. – Ты очень крутая баба, но ты напоролась на тоже очень крутую бабу!

И тут я поняла: идет война! Война за переправу. Белые – на одном берегу стола, красные – на другом. И если я сейчас не выпущу авиацию, враг снова пойдет в наступление, тогда война затянется, жертв будет больше, поесть спокойно не дадут... В общем, еще раз вам хочу напомнить: я не пересекала чужие границы, моя совесть абсолютно чиста.

Я бросила в Розовую кофточку бокалом того самого вина, которым она помешала мне насладиться, и на всякий случай усилила бросок словами, одним только словом. Да! И это помогло, Розовая кофточка выскочила из-за стола и закричала на меня уже не так уверенно и элегантно, как выступала прежде:

– Ты что, истеричка?! – она заорала и побежала в ванную застирывать пятно.

Ну... тут, конечно, все толстушки начали меня качать. «Победа! – они кричали. – Победа!» Точнее, просто улыбались и с радостью кинулись ставить тарелки под торт. Я снова увлеклась гусем и грушами, а девушки хихикали вполголоса: «Кетоза, кетоза...»

За дверями, где-то в гостиной, канючил ребенок, это снова была дочка Розовой кофточки.

– Иди сюда. Ко мне! – звала она ее из ванной. – Сюда иди! Я сказала...

Именинница снова вздрогнула от резкого тона, дамы вздохнули и затянули дальше свою беседу про детей, про мужей, про рецепты.

Потом свет погас, вспыхнули свечи. Подрожали минутку. Танечка загадала желание и с первого раза потушила все тридцать. Она даже не заметила, что мой сын стащил у нее пять лишних свечек.

Я принялась за торт. Влез! А что вы думаете, не влез? Еще как влез. Когда это в меня не влезала пьяная вишня?

Мой муж все это время стрелял из арбалета. Он выиграл, он обошел зятя-Русланчика, набрал три раза по сто очков и только после этого вернулся к столу. Глаза у него горели спортивным азартом, он мне напомнил сразу всю живопись из цикла «Герои Куликовской битвы». Да, конечно, я была бы рада, если бы муж посмотрел на меня другими глазами. Вот так вот, чтоб, прям, вошел, посмотрел, а глаза то у него – ой, мама! – другие. Но тут кетозой не отделаешься.

Для того чтобы мой муж посмотрел на меня другими глазами, нужно каким-то образом извлечь у него оригинальные глаза, а вместо них поставить другие. Можно заменить только

глаза, можно голову привинтить новую, с другими глазами, а можно вообще мужа поменять, и тогда автоматически получишь другие глаза. Жаль, для меня все это слишком сложно, поэтому я от души наелась и стала доброй. Какие есть глаза, такими пусть и смотрит.

Истерику я устроила только на следующий день, элементарно разоралась в машине, когда мы возвращались домой. Я всегда ору в машине по дороге домой, если мы слишком долго отдыхаем в гостях. Начинаю скучать, и поэтому меня все раздражает.

Меня раздражают пробки на дороге, я чувствую необъяснимую тревогу в конце воскресенья, мне кажется, что я не все получила от выходных, да и вообще от жизни, и эти часики еще, действительно, все время тикают. Я вспоминаю гуся, вспоминаю торт, у меня начинаются угрызения совести за то, что я их съела. Я вспоминаю арбалет и обижаюсь, что муж стрелял два дня без перерыва... Короче, повод я найду всегда. И начинаю концерт с полпинка, точно так же, как Розовая кофточка.

– Твой папа обещал мне подарить бассейн. Он надо мной все время ржет! Зато с Русланчиком у него реверансы. У нас вообще какой-то есть другой маршрут на выходные? Я хочу на Майорку! Я не обязана всю жизнь развлекать твоих родственников!

Развитие диалога пересказывать не стоит, заканчивает обычно муж, у него есть стандартная последняя реплика: «Вот только не надо трогать мою маму!»

В этот раз он тоже сказал:

– Не надо трогать мою маму! – и добавил отсебятину: – Истеричка!

На перекрестке я выскочила из машины и дернула в аптеку. Купила там коробку легеньких успокоительных, какой-то модной валерьянки мне там втюхали, но я проглотила ее демонстративно, прямо на улице, с таким видом, как будто это ого-го какое сильное лекарство. Вытерла слезы или сделала вид, что вытираю слезы, – это не принципиально. Немного прошлась пешком, слегка пошатываясь, в этот момент я действительно чувствовала легкое головокружение, а муж мой ехал медленно по крайней полосе. Он знал, что когда загорится зеленый, я вернусь к нему и начну сюсюкаться «пушистик, пушистик», как будто пять минут назад в машине орала не я, а какая-то другая кофточка.

Истеричка

1

Лиза выбросилась из окна сто лет назад. Ей было девятнадцать или двадцать, не помню точно, но это и не важно. Всё, похоронили девочку. Какие еще вопросы? Сколько можно сидеть и обсуждать: самоубийство это было или не самоубийство.

Мы, видите ли, сомневаемся. И у нас, разумеется, есть причины. Во-первых, у Лизы был маленький сын, во-вторых, хороший муж, и, в-третьих, она не оставила записки. Не удосужилась черкнуть. Но самое-то главное! Она не умерла. Точнее умерла, но не сразу. Лиза пришла в сознание и говорила, что не помнит, как сорвалась.

А какое, скажите, нам дело? Какое нам дело до Лизы? Кто мы вообще такие? Мы, по сути, случайные люди, всего лишь несчастные однокурсники и совсем не друзья. На творческих факультетах не бывает друзей, и мы никогда не трудились скрывать свою неприязнь. Нет, наша компания не клубок змей, мы журналисты, для нашей профессии вполне нормально друг друга немножко не любить. Все потому что профессия у нас ужасно не востребованная, а конкуренция как в балете, и самым умным, самым талантливым каждый считает, безусловно, себя.

Трагедия случилась в марте, это был очень холодный март високосного, кстати, года. Я помню этот март прекрасно: сквозняки, усталость, «никто меня не любит» и «перспектив никаких», как говорили наши непрактичные родители. Весна была поздней, солнце являлось с утра до обеда, а к вечеру снова лупили морозы. Все ждали весну, всем казалось, весна что-то изменит, мы раздраженно слушали прогноз погоды и психовали: «Когда уже закончится эта чертова зима?»

Нервишки сдавали у многих, народ ругался, дрался, напивался, но худо-бедно все терпели. А Лиза шагнула с балкона. Асфальт был во льду, пятого этажа оказалось вполне достаточно, чтобы разбиться.

«Насмерть! – кричала какая-то бабка. – Насмерть!» Соседи, которые столпились возле тела, думали, что скорая повезла Лизу в морг. Но нет, оказалось, не насмерть. Лизу отвезли в больницу, там она прожила еще месяц.

Весь этот март, пока врачи работали, мы дружно помалкивали. Боялись лишний раз спросить: «Ну? Как там Лиза?» Все вели себя так, как будто Лиза лежит с аппендицитом, и переломчик позвоночника у нее совсем-совсем легенький. И я молчала, что-то не позволяло мне открывать рот, я не хотела распугать своим ядовитым языком те силы, которые вытаскивают людей из реанимации.

И потом! Потом, когда Лиза умерла, мы тоже молчали. Похороны обошлись без истерик, без долгих рыданий, мы делали вид, как будто эти похороны не имеют к нам прямого отношения. Какая-то девушка, вроде бы с нашего факультета, когда-то прыгнула с какого-то там этажа...

Сейчас понятно: это был тихий шок, он сопровождал наши первые встречи со смертью. Нам было тогда всего девятнадцать, мы еще до конца не поверили, что человек смертен, нас это удивляло, язык немел от удивления.

Но время прошло, и лет через пять всех неожиданно прорвало.

Теперь каждый раз, как только двое или трое из нас попадают за один стол, разговор обязательно выезжает на Лизу. И это странно, это пахивает каким-то садизмом: мы заказываем чашку кофе, бокал пива, грызем фисташки, кидаем пару дежурных фраз, и уже перед вторым подходом официанта кто-нибудь начинает вспоминать похороны.

Мы хорошо запомнили эти похороны. Мама подходила к гробу, поправляла Лизе белую косынку, с таким лицом она косынку поправляла, как будто дочь ее лежала не в гробу, а выступала на школьном концерте. Лет десять мы мусолим эти похороны. За это время многое поменялось в нашей жизни, из дешевых кафе мы пересели в дорогие рестораны, но Лизу таскаем с собой.

Мы роемся в ее трагедии, как в собственном шкафу. Нам хочется еще, еще разок перетряхнуть ее выдрипистые шляпки, ее зеленые перчатки, в которых узкая ладонь казалась лягушачьей лапкой, а плащ, ее широкий черный плащ, летел по лестнице, и наша пыль и грязь к нему не приставали, загадочным каким-то образом... И сумочка! Мы все, оказывается, помним, какая у Лизы была сумочка – лаковая, красная, в ней еле-еле помещалась тетрадь с конспектами, расческа и помада... И каблочки мы помним, Лиза всегда носила шпильку, даже беременная. Ее живот мы тоже в покое не оставляем, он казался большим... «Вы помните, какой огромный был у нее живот?» – «Не такой уж огромный, это только казалось». Лиза была невысокой и хрупкой, со своим животом она была похожа на молоденькую кошку, которая нагуляла в первый раз.

Все это мы перетираем с радостью, и даже с наслаждением. И наслаждение оттого острее, что эта сада-маза приправлена тонкой горечью. Горькое все чувствуют, но никто не признается. Мы никогда не говорим друг другу, что думаем на самом деле.

2

Большое счастье, что мы встречаемся нечасто, на бегу и почти всегда случайно. Сегодня объявился Бражник. Был у нас такой мальчик, восхищенный и загадочный, ходил все время с книжечкой. «Сто дней Содома» называлась книжка, Маркиз де Сад ребенку нравился. Но обошлось. Сегодня Бражник – доктор философии в Александрийском почему-то университете. В городе оказался проездом, Бражник всегда проездом и, слава богу, редко мне звонит.

– Дорогая моя! – как ни странно, он был рад меня слышать. – Не прячься, не выдумывай никаких срочных дел, нам обязательно нужно встретиться...

Я хотела сбежать, как раз собиралась придумать срочное дело, но не успела.

– Возможно, ты этого и не заметила, – сказал он серьезно, – но третья мировая уже началась, мир катится в очередную пропасть, и кто его знает, свидимся мы еще или нет...

Раз такие дела, то я, конечно, согласилась поболтать. Но перед выездом на всякий случай позвонила Аллочке.

– Бражник в городе, – я ее предупредила, – зовет на кофе. А я боюсь встречаться тет-а-тет с этим маньяком...

– Не могу говорить, – она мне ответила, – я в офисе. Я ничего не слышу!

Аллочка, если позвонить ей на работу, всегда говорит таким голосом, как будто ей зажали нос прищепкой. Она работает в банке, у них так принято, они там все гундят, и Аллочке требуется некоторое время, чтобы перейти на обычный человеческий тон.

– ... ты, конечно, со своими барскими замашками не сможешь себе такого представить, но я тебе сообщаю: мой офис занимает целый этаж, нас тут набили двести человек. Да, вот такой вот у нас крутой банк, что мы все как овцы сидим в одном загоне. К твоему сведению, я стою в очереди на принтер уже десять минут, а мой начальник – ссыкло и говночист, я сегодня в новом платье, а он в упор его не видит. Он хочет, чтобы я в свой единственный выходной пробежала десять километров на банковской спартакиаде.

– Что, правда? – я ей не поверила насчет спартакиады в выходной.

– Да, а что ты удивляешься? Что ты сразу стонешь? Это у нас называется новая корпоративная политика. А ты звонишь мне со своими глупостями... Ты вообще в курсе, куда все катится? Человечество попало в офисное рабство...

Аллочка гундела недолго. Она всегда сначала немного погундит, чтобы вернуть себе самоуважение, а потом возьмет и забронирует столик в каком-нибудь скучном, но respectable месте.

На этот раз она взяла отдельный кабинет для некурящих в новом китайском ресторане. Старый центр, швейцар в костюме тибетского монаха, вид из окна на городской собор, и все официантки в кимоно...

Когда Лиза была жива, мы в такие места не ходили. Все наши гулянки проходили в общаге, иногда прямо на крыше. В теплые дни мальчишки выползали туда с гитарами. Нет, это была не самодеятельность, мы просто немножко пили водку и немножко пели русский рок, тогда он был как раз на пике.

Меня отпевали в громадине храма,
Была я невеста, прекрасная дама...

ДДТ, «Белая птица», альбом 1996 года. Эту песню часто пел Саня Сеницкий. Он считается главным виновником всего, что случилось с Лизой. К нему она рвалась в тот мартовский вечер, а муж не пускал, муж запер ее в квартире, поэтому она и дернулась на балкон. Сеницкий в это время отмечал свой день рождения, чужая девушка, не из нашей компании, сидела рядом с ним... Он пел все ту же песню, только уже не для Лизы.

Душа моя рядом летала и пела,
А люди, не веря, смотрели на тело...

Мы обожали Шевчука, и сейчас обожаем. Когда звучат его «Вороны», я знаю, что в этот момент все наши люди думают про Лизу.

А вот Сеницкого мы не любим, и поэтому во время каждой эксгумации долго-долго его грызем. Но забегать вперед не буду, до Сеницкого еще доберутся.

Ресторан «Шанхай» находится рядом с вокзалом, поэтому Бражник приехал сразу с чемоданом. И не таким уж страшным он показался мне маньяком. Он распушился, он где-то хорошо и вкусно питался эти годы, он стал похож на белого холеного кота. Пальтишко терракот на нем висело непринужденно, на шее вместо бабочки была повязана красная арафатка. Представляю, как он удивился, когда увидел Чернушкину.

Чернушкину никто не приглашал, понятия не имею, как она оказалась у нас за столом. У нее всегда был талант чутать попой, в нашей профессии это очень ценное качество, и Чернушкиной оно пригодились. Она сейчас работает в областной Думе, то ли командует пресс-центром, то ли заседает там в депутатах... Не знаю точно, я двести лет не видела Чернушкину.

Раньше это была мелкая, очень худая, резкая девушка, которая все время что-то объявляла с кафедры. Последний раз мы с ней случайно встретились через пару дней после нашего выпускного. Чернушкина околачивалась возле Думы.

«Ищу работу», – она сказала. «Какую?» – я спросила. Она и глазом не моргнула, говорит: «В начальство. Хочу в начальство, куда же мне еще идти?»

С тех пор мы не виделись. Но время от времени ко мне приходят странные посты, Чернушкина вешает умные мысли из какого-то цитатника. Предпочитает классиков, вчера она выдала из Бальзака: «В мире, где все горбаты, стройность считается недостатком». Между классиками проскочило что-то личное: «Я не люблю людей, которые... чего-то там такое из себя...». К чему это все? Не знаю. Как многие бездарности... Ах, нет, простите мою резкость. Это раньше мы кидались такими словами «бездарность», «серость»... Сейчас мы говорим спокойнее. У Чернушкиной никогда не было креативных порывов, она, как многие у нас в Думе, предпочитала с умным видом цитировать из проверенных источников, присваивать себе таким образом чужой авторитет. Вот, кстати, только что она повесила цитату Пикассо: «Я всегда делаю то, что не умею делать. Так я могу научиться этому». Ох, ты мама моя дорогая...

Мои друзья потешались над китайским меню, лапшичку, уточку им не хотелось, они заказывали «что-нибудь такое», а я немного опаздывала. Застряла в пробке, и всего-то в двух шагах, мне нужно было протащиться метров пятьсот вверх по набережной и повернуть к собору, «Шанхай» как раз напротив. С дороги видно и черные купола, и золотые кресты, но ползти до них пришлось минут двадцать. Потом я сделал кружочек вокруг церкви, потому что не могла найти парковку. Белая пятерка БМВ раскорячилась на два места, но я протиснулась, припарковалась рядом и перешла дорогу. У входа в ресторан стоял переодетый «шаулинец», он поклонился и ударил в гонг.

Полчаса... Обратите внимание, я опоздала всего на полчаса, но за это время мои друзья успели проскочить официальную часть. Никого не парило, что там у Чернушкиной в Думе, что там у Аллочки в банке, как там у Бражника в Египте... Когда я вошла, они уже обсуждали, как Лиза, бедная, стояла на балконе.

3

Откуда они могли знать, как она там стояла? Никто не видел, никто не стоял рядом с ней, но все успели пристроить Лизу в свои душещипательные очерки о молодых самоубийцах. Публике нравится душещипательное, и мы стараемся, щипаем.

Мы сочиняли, как нежная хрупкая девочка дрожала на ледяном ветру (действительно, был сильный ветер), как она залезла на стул (мы сомневались, на стул ли она залезала), как посмотрела вниз на мужа, муж в это время вышел из подъезда... Она ему сказала, это слышали свидетели, Лиза предупредила: «Я сейчас прыгну». Она произнесла это спокойно, без визга, только повысила голос, чтобы ее было слышно внизу. «Я сейчас прыгну» – и все, больше она ничего не говорила.

Муж повернулся. Он был уравновешенным человеком, все так и говорили про него: уравновешенный – но именно в эту минуту, когда смотрел на свой балкон, задравши голову, на пятый, он не выдержал. Кто-то из особо одаренных уверял, что муж кричал: «Я убью его!» Или: «Я убью тебя!» Но нет, такого он не кричал, это всего лишь наши затертые штампы. На самом деле муж сказал ей: «Истеричка! Истеричка! Истеричка!» У него сорвалось три раза, свидетели сошлись в подсчетах. А потом уже Лиза отпустила руки и полетела.

Все говорят «выбросилась из окна», но для Лизы это слишком вульгарно. Я всегда говорю «полетела». Когда Лиза шагала в воздух, вполне вероятно, что она хотела вверх, не вниз, а вверх.

Это не совсем понятно с точки зрения бытовой логики, и тяжело поверить, что Лиза вдруг забыла закон земного притяжения. Поэтому Аллочка надо мной каждый раз смеется, когда я говорю «полетела».

– Да! – я сразу начинаю упираться. – Она забыла! Такое бывает. Бывают в жизни молодой красивой женщины такие ситуации, когда она не помнит ни про какое притяжение...

Я не первый раз пытаюсь объяснить свою версию, но меня все время перебивают. Журналисты любят друг друга перебивать, для нас это нормально. Потому что нам совсем неважно кого-то услышать, никто не хочет слушать – все хотят сказать.

– Никуда она не полетела, начнем с этого, – перебила меня Чернушкина.

– Подождите! – я еще раз попыталась. – Если человек прыгает с балкона это не значит, что он хочет умереть...

Мне не дали закончить, может, оно и к лучшему, конечно.

Чернушкина напирала:

– Девушка выбросилась из окна с пятого этажа при свидетелях. Как это называется? Стандартное самоубийство. Безусловно, в состоянии аффекта. Разумеется, у Лизы было помутнение. Нормальная женщина никогда...

– Дайте, дайте мне сказать!

Бражник протиснулся между нами, руку вытянул вверх, как в школе, и сразу пальцами, как связкой колокольчиков, начал трясти – это его старая привычка.

– У меня был случай, – спешил он сообщить. – Представляете? Погнулся ключ от квартиры. А сделать новый я забыл, мне было некогда, и я все думал: завтра, завтра... И вот в один прекрасный день я прихожу домой, вставляю ключ в замок, начинаю поворачивать и чувствую: сейчас сломается...

– При чем здесь ключ? – не поняла Чернушкина. – Мы говорим про балкон.

– Притом, дорогая моя, притом! Я же понимал, что ключ сломается. Нажимаю – не идет, если нажать сильнее – сломается. Это же было очевидно! И ты не поверишь, я его уже почти вытащил, но вдруг в какую-то секунду мою руку как будто кто-то заставил – и я повернул! Знал, говорю же тебе, знал, что ключ сломается, но повернул. Ключ, конечно, остался в замке. А дело было ночью, в чужом городе... Пришлось бежать куда-то, искать мужика с пилой, подняли шум на весь подъезд...

Аллочка смотрела на Бражника прямо, не отрываясь, и между делом хлопала ресницами. Со стороны могло показаться, что она очень внимательно слушает. На самом деле Аллочка просто хлопает ресницами, она всегда так делала, ресницы у Аллочки длинные и создают иллюзию некой эмоциональной реакции.

– Я все равно не понимаю, – она сказала, – это какая же такая любовь должна на голову свалиться, чтобы женщина превратила себя в Анну Каренину? Взяла – и сиганула из окна?

Вопрос традиционный, и в этом месте, каким бы ни был наш состав, мы дружно начинаем ухмыляться.

– Ох! Да какая ж там любовь!

– Любовь... – я тоже делаю глумливое лицо и обычно добавляю: – Едрит твоё налево!

– Это с кем? С Синицким что ли любовь? – морщит лобик Чернушкина. – Да он по жизни озабоченный! За кем он только ни таскался...

Чернушкиной повезло, она вышла замуж за надежного соратника по партии с целью продолжения рода и оптимизации народного хозяйства. Любовь и все, что с этой скользкой темой связано, Чернушкину никогда не беспокоило.

А вот Аллочка еще ждала, ждала, бесстыдница, каких-то неожиданных страстей, хотя была чудесно замужем и, в отличие от некоторых, получала и кофе в постель, и завтрак в постель, и ужин тоже в постель.

Аллочкин муж очень любит готовить и балует ее вкусеньким. Она переедает, толстеет немножко, но в глубине души мечтает, что будут, будут у нее и прыжки в мешках, и бег с препятствиями...

Конечно, в этом она признаваться не стала и сразу со всеми вместе закивала и начала оправдываться:

– А я и не сказала, что любовь! Я говорю: какая уж!.. тут может быть любовь? Какая уж?!..

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

Это Чернушкина. Прокукарекала свою любимую цитатку и плечиком, и сразу плечиком задергала. На первом курсе она где-то подцепила этот тезис и так вот до сих пор не излечилась. Откуда, из каких борделей это фраза, Чернушкина не выясняла. А меня немножко замутило, когда я снова это все услышала.

– Водички! – я попросила официантку. – Можно мне водички?

– Нет, Лиза, конечно, увлеклась, – Бражник сделал корректировку, – Лиза, безусловно, влюбилась. Я бы лучше сказал: вошла в роль. Вы же знаете, она не сразу поступила к нам на факультет, один год она училась в театральном, и в ней было очень много актерства...

– Я же говорю, – вставила Аллочка, – Анну Каренину обчиталась.

– Да! Может быть! Серьезный муж и молоденький любовник – это же такой простенький классический сюжет...

Бражник был знаком с Лизой ближе всех, он, как обычно, захотел нам выдать сразу все и побыстрее, но его перебила Чернушкина.

– Какой был муж! Какой был муж! – она застонала. – Богатый! Высокий! С квартирой!

– Богатый муж! – Бражник усмехнулся. – Дорогая, ты в своем репертуаре! Поверь мне, милочка, Лиза никогда всерьез к деньгам не относилась, и если бы не мать...

– Не трогай маму! – оборвала его Чернушкина. – Мать – святое!

– Вы же помните Лизу! Она была очень легкомысленная, вы все считали ее избалованной дурочкой...

– Ничего мы не считали! – Аллочка начала отвираться. – Кто тебе сказал, что мы считали?..

– Да ладно, – нежно улыбнулся Бражник, – Лиза действительно была легкомысленной, но эта легкость ей шла. Вы знаете, мы с ней частенько заходили в книжный, и она, не глядя на цену, покупала очень дорогие книжки. Она всегда так легко расставалась с деньгами...

Я никогда не понимала, как Бражнику удается сочетать финансы с тонкими вещами. В каждую сентиментальную историю он умудряется вставить приход и расход.

– Но если все-таки любовь, то почему... – это у меня вырвалось.

Не знаю, как я могла о таком подумать, какие-то остатки романтизма проскочили.

– Что? – меня переспросили.

– Что, что? Я не расслышал...

– Ничего, – я спохватилась вовремя и снова попросила: – Воды! Воды!

В итоге версию с любовью мы сразу отменяем. Люди мы все травмированные, и нам очень сложно простить третьим лицам малейшую претензию на это чувство.

4

Размазать Синицкого – обязательный пункт в нашем протоколе. Поливать Синицкого всегда приятно, поэтому мы быстро заводимся и начинаем орать.

– Мажор сопливый! – запекает Чернушкина. – Маменькин сынок! Вы в курсе, что он в парикмахерскую ходил каждую неделю? Все чего-то себе ровнял, ровнял... Укладку делал!

– Мне всегда казалось, – Бражник приступает аккуратно, – мне всегда казалось, что в этом человеке есть какая-то подлость...

– А я его недавно видела, – Аллочка заулыбалась, – он был в черных ботинках! Черные ботинки под белые брюки – такое фу-у-у...

– Идиот! Купил диплом – и тот не смог нормально защитить!

Мне нравится, как Чернушкина ругается. Особенно удачно у нее выходит «Идиот!» «Идиот» она проговаривает по буквам – и сразу глазки у нее идут навывкат. Но я!.. Я ведь тоже живой человек! Я тоже хочу лягнуть Синицкого. Да с удовольствием! И палочку китайскую в ладонь ему насквозь. Но, к сожалению, я не очень хорошо помню этого человека.

Он рассыпается на мелкие запчасти: блондинчик, слащавенький, темные очки, барсетка, зипповская зажигалка, пару раз пытался мне подкурить... И гитара, гитару я помню. И что любил ДДТ, и песню эту похоронную, которую он часто пел, я, в общем-то, благодаря ему запомнила.

Свеча догорела, упало кадило,

Земля, застонав, превращалась в могилу.

Я прыгнула в небо за смелой синицей,

Теперь я на воле, я белая птица...

«Птица-а-а-а-а-а» – он тянул вполне прилично, как будто резал воздух, а потом выпускал это «а» широко... И все, больше ничего от Синицкого не осталось, поэтому мне трудно сообразить, какую, ну какую статейку ему припаять. Я слишком долго думала, Чернушкина меня опередила.

– Фуфлю мужик! – она прекрасно справилась. – Когда Лизкин муж его отметелил – ой, мама! Как он сразу перессал...

– Я слышал, – Бражник немножко мнется, – не знаю, говорить об этом или нет...

Бражник всегда немножко помнется, помнется, а потом возьмет и выдаст какую-нибудь невинную похабень.

– Говори! – мы его подгоняем. – Говори!

– ... есть версия, – он теребит салфеточку, – что Лизу очень привлекал его размер.

– Хъхи!

Аллочка до сих пор хихикает над такими вещами, счастливая, но Бражник говорит вполне серьезно.

– Синицкий был уверен, что он единственный мачо на весь наш курс. Он очень гордился своим размером. Размером своего... – Бражник начал звенеть пальцами, подыскивая слово: – Как это сейчас культурно называется?

Я захотела подсказать, он Бражник выкрутился сам.

– Органа! – сказал он и руку вверх, и палец пистолетом. – Я замечал, что в туалете он всегда слишком далеко стоял от писсуара и все вытряхивал, вытряхивал...

– Бражник! – Чернушкина дернула плечиком. – Я ем! Не видишь?

Чернушкина трясет кудряшками и дергает плечом. Это не тик, она всегда так делает, если ей что-то не нравится.

– Да, извини, – Бражник улыбнулся коварно, еще как коварно, – я знаю, тебе неприятно. Мне тоже было не очень приятно на него смотреть, когда он там стоял – вытряхивал. Я думаю, он просто хотел лишний раз продемонстрировать...

Бражник надеялся испортить Чернушкиной аппетит. Но это мало кому удастся, аппетит у нее всегда был хороший. Она ела много, быстро и никогда не толстела. Уплела целый тазик черной холодной лапши – и хоть бы что.

– Я ем! – повторяла она и энергично продолжала есть. – Бражник! Заткнись! Я же ем!

– Да, да, прости.

Бражник кивал понимающе и ладонь, конечно, к сердцу прижимал. Я сразу поняла: теперь он целый вечер будет гнуть свою линию про размер.

– Но я же видел, как девки за ним бегали! То одна рыдала! То другая! Синицкий был в себе очень уверен, он думал, что у него самый большой...

– Бражник, хватит, – Чернушкина слегка задергалась, – ну правда, хватит!

– Да как же ты не понимаешь? Я же не просто так об этом говорю. У них же отношения строились на сексе! А в сексе, милочка моя, если ты не в курсе, любая ерунда может сыграть свою роль...

– Бражник! – Чернушкина трянула кудряшками. – Тебе давно пора жениться! Ты не тяни, не запускай, надо как-то уже успокоиться, как-то вылечить поскорее все твои детские комплексы...

Бражник сделал наивные глаза, он очень хорошо умеет это делать.

– Да? – спросил он. – Ты так считаешь?

– Точно тебе говорю! Женись, Бражник! Тебя еще можно спасти.

Чернушкина немножко нагрубилась, она всегда была резкой. А между прочим, я разглядела у Бражника на пальце интересный камешек. Он носит изумруд в прямоугольной оправе, почти такой же, как у меня. Он тоже сразу же подсек мое колечко, взял меня за пальчики и промурчал, что наши камешки от чего-то там такого страшного нас защищают.

Лиза и Синицкий – это сочетание мне отдаленно что-то напоминает... Шампанское с водкой, скорее всего, – смесь дикая, бессмысленная, и химические реакции в этом коктейле проходят также стремительно. За столом мое тонкое наблюдение звучит немного проще.

– И как же быстро они успели снюхаться! – Аллочка читает мои мысли.

Мы все удивляемся этому обстоятельству и сразу начинаем сопоставлять события, подсчитываем сроки.

– На первом курсе Лиза была беременная, – рассуждает Аллочка, – весной она родила...

– В феврале, – Чернушкина поправила, – я знаю точно, ребенок был февральский.

– Хорошо, в феврале родила, летом каникулы, а осенью она уже с Синицким. Я даже знаю, в какой день...

Аллочка хотела поделиться, но пока она моргала, Бражник прошмыгнул вперед.

– Я помню, помню! – он засуетился. – Я помню странный эпизод... На лекции по философии, нам читали Ницше. – Он уточнил: – Вы тоже должны эту лекцию помнить!

– Естественно, мы помним, – усмехнулась Чернушкина, – Бражник, даже и не сомневайся, нам больше помнить не о чем.

– Вы все пропускали, а я был на каждой паре...

– Пушистик! – я его погладила по спинке.

– Это было еще зимой, – он улыбнулся, – у Лизы был уже большой живот, но платья она всегда носила короткие. Она никогда не прятала свои ножки. Вы помните, какие у Лизы были ножки?

Бражник прищурился хитро, как фокусник, и я увидела, я вместе с ним тоже увидела Лизу и вспомнила ножки.

– Точеные ножки в черных колготках.

– У нее было платье такого цвета, как шоколад. Из мягкой ткани... – Бражник показывал пальцами, как будто щупал сукно. – Ткань похожа на мех. Какая-то чудесная шерсть! Мне все время хотелось потрогать...

– Ангорка, – с усмешкой прогундела Аллочка, – тогда все рынки были завалены китайской ангоркой.

– Наверно...

Бражник закрыл глаза, чтобы вспоминалось лучше, он стал похож на грустного кота.

– И что-то такое летящее на ней всегда висело, платок или палантин... А вы еще все подбегали к ней, я помню, помню, вы просили потрогать живот, чтобы загадать желание. Что вы там загадывали-то? А? Вот дурочки...

– Я не трогала живот, – говорю, – я была в ужасе от живота! Восемнадцать лет – какие нам дети?

– Ближе к теме! – Чернушкина подстегнула.

– Так вот, рассказываю. На этой лекции Лиза сидела рядом с Синицким. И что удивительно, до этого он никогда не приближался к ней и вдруг садится рядом и сразу начинает ее отвлекать. Я даже знаю, над чем они смеялись! Он рисовал меня с хлыстом, я тогда увлекался Маркизом де Садам, и этот засранец...

– Регламент, Бражник, регламент!

– Да! – подпрыгнул он и засмеялся. – А профессор! Вы помните нашего философа?

– Лысина, очки и свитер, – прогундела Аллочка.

– О! Это был оч-чень талантливый человек! Он любил провокации. На этой лекции он специально переврал цитату из «Заратустры», он сказал: «Женщина – это средство для отдохновения воина». И что тут сразу началось! Все девки разорались: «Ницше – фашист!», «Мы никакое не средство»...

Бражник согнулся и начал хихикать, пока еще тихо, пока еще только от предвкушения, но мне уже хотелось, уже хотелось с ним похихотать, только я не могла вспомнить, над чем. На этой паре меня не было, я эту пару проспала.

– Все! – Чернушкина щелкнула пальцами. – Вспомнила!

– Конечно, ты помнишь, дорогая! Ты же тогда громче всех возмущалась. Как обычно...

– Да что ты говоришь? – по-моему, она кокетничала. – Я? Возмущалась?

– Да! – Бражник улыбнулся во весь рот и с радостью великой ей напомнил: – Ты встала и на всю ивановскую заявила: «Меня зовут Любовь Чернушкина! Я не согласна с Ницше!»

Он засмеялся визгливо, с причитаниями: «Меня зовут Любовь Чернушкина! Я не согласна с Ницше!»

Чернушкина махнула на него рукой и взяла садок, такой небольшой беленький садочек, она с удивленьем посмотрела на содержимое. Там были утиные головы. Их разрезали вдоль, симметрично, так, чтобы у каждой половинки остался свой глаз и клюв, череп вскрыли, а есть нужно было мозги, маринованные утиные мозги.

– Это что? – спросила она. – Кто это заказал?

– Это ты заказала, – хихикнула Аллочка, – ты сказала «и что-нибудь мясное».

– Все, все, – Бражник вытер слезы, – и ведь к чему я все это начал?

– Ницше! – я напомнила.

– Да, – он собрался, – Ницше! Так вот, Лиза болтала с Синицким, все уже замолчали, а Лиза засмеялась. Тогда профессор к ней обратился: «Мадемуазель! Мадемуазель в третьем ряду, вы тоже не согласны с Ницше?»

– Как он угадал! – я перебила нечаянно, – Лиза и была мадемуазель! Эта шляпка ее... Это ее перо страусиное... Перчаточки зеленые! Как я себе хотела такие же перчатки...

– Вот он и сказал ей «Мадемуазель», а она встает... Вы помните, как она встала?

– Да! – Чернушкина ответила. – Она сказала: «Воин уже отдохнул!» – и пузом вперед!

– Нет, нет, нет! – Бражник погрозил ей пальцем. – Она не так сказала. Она сказала: «Отчего же? Я согласна с Ницше». А потом встала, повернулась боком и скинула шаль, показала профессору свой живот и говорит ему: «Смотрите, воин уже отдохнул» – вот так она сделала. Актриса...

– И он ей сразу пятерку автоматом, – Аллочка это запомнила. – Говорит ей: «Несите зачетку». А сам аж покраснел!

– Подожди, подожди, слушай! Сейчас будет самое главное!

– Ах, еще только будет!

– Сокращай, Бражник! – Чернушкина его подстегнула. – Сокращай!

– Да! – он взмахнул рукой, как дирижерской палочкой. – Лиза вернулась на свое место, а Синицкий... Он же везде тянул свои лапы! Вы не поверите – он потрогал ее живот! Он спросил ее: «Можно?» – и сразу лапу положил, она еще не успела ответить, а он сразу к ней всю пятерню! А потом он руку отдернул... Мне показалось, он испугался.

– Ребенок толкнул? – я подумала.

– А я и говорила, – Чернушкина воспряла духом, – Синицкий – страшное ссыкло.

– Я это очень хорошо запомнил! – Бражник торопился. – Мне самому хотелось потрогать, не обязательно Лизу, не в этом дело... Мне всегда хотелось так же просто и легко потрогать девушку, но я не мог себе такого позволить, мне казалось это хамством. И вдруг Синицкий... Его рука на животе у Лизы... И она разрешила...

– Нахальство, Бражник, второе счастье, – Чернушкина опять кого-то процитировала.

– Все говорили, что Синицкий – мачо... И я верил во все эти слухи. Да, он сам их распускал, но я-то принимал все за чистую монету! Мне сейчас противно, как вспомню его... Стоит в туалете, вытаскивает свой орган...

– Хватит!

– Он мог бы как-то спрятаться, зайти в кабинку... А он всегда у писсуара! Я, честно говоря, не могу сказать, действительно ли там было у него что-то особенное...

– Бражник! – Чернушкина его отчитала. – У тебя всегда были какие-то странные эротические фантазии. Ты мне как-то сказал: «Почитай сто дней Содома». Я, овца, открыла... Боже мой!

– Это сатира! – засмеялся Бражник. – Это сатира! Дорогая, ты все понимаешь плоско! Чернушкина подставила ему садок с утиными мозгами.

– На, – говорит, – попробуй. Ты любишь у нас все необычное.

6

Мы все любили необычное. Синицкий тоже. Поэтому в тот день после лекций он увязался за Лизой. Они выходили вместе из нашего корпуса в компании ее подружек. Все пошли на остановку по тропинке через парк. Я тоже двигалась по той тропинке, только немного позади, я слышала, как наши попрыгушки хохотали. День был солнечный, мороз немножко отпустил, лекции кончились, чего ж им было не поржать.

На переходе горел красный, но машин не было, и наши лошади помчались через дорогу, заодно прокатились как на коньках по скользкому шоссе. А Лиза осталась. Она дождалась зеленый, а когда загорелся, она сначала посмотрела направо, налево и только после этого пошла, осторожно, как все беременные женщины. Синицкий взял ее под руку, и она облокотилась, но без жеманства, просто потому что боялась упасть.

А я шла сзади, в трех шагах. Я оказалась случайным свидетелем точно так же, как все остальные. Слишком маленьким был наш мирок, поэтому мы постоянно сталкивались в узких местах, как машинки на автодроме. Я не знаю, нечаянно это происходило или нам хотелось столкнуться.

Поэтому теперь мы все знаем про Лизу гораздо больше, чем нам положено. Я, например, знаю, что у Лизы на кухне стоял овальный стол и на нем всегда лежало блюдо с зелеными яблоками. Знаю про яблоки, хотя не была у нее на кухне ни разу. Но так уж получилось – за время многолетних дебатов мы обшарили каждый угол в ее квартире, так что теперь мне известно, что кухня была в синем глянце, а стены в квартире были отделаны тканью, и, если схватишься за косяк, пока снимаешь ботинки, рукой почувствуешь ребристый выпуклый орнамент. В прихожей был постелен мягкий ковровин, так что тапочки Лиза не предлагала. И мягкие игрушки были раскиданы повсюду, их была прорва, и куча маленьких подушек, и мягкий диван – все было мягким у Лизы в квартирке, как будто подсознание ее предупреждало, и она заранее старалась подстелить.

На полу в гостиной у дивана лежало нечто шедевральное – белый ковер с высоким ворсом. Мы столько раз про этот ковер трепались, что теперь он мне кажется грязным, слишком часто мы шастали туда-сюда-обратно по этому ковра и по этой судьбе. Да, мы вели себя как папарацци, бесцеремонно топтались и следили. Какие могут быть церемонии, когда нас прет от этой темы?

А Лиза сама виновата, она повсюду нас пускала. Иначе откуда могли мы узнать, что она занималась любовью с Синицким на этом ковре? И даже поза не осталась в тайне, уже на следующий день все были в курсе и шептались с умным видом: «Сумасшедшая, зачем она затащила его к себе?»

Из белого ковра мы сгондобили анекдот, ведь муж пришел, как в анекдоте, чуть раньше, чем обычно. Ничего криминального он не застал, Синицкий и Лиза прощались в прихожей, когда он нажал на звонок. Лиза тут же изобразила сцену: «Синицкий! Не забудь конспекты!» А муж, он, видимо, тоже был немного артистом, муж посмотрел на Синицкого внимательно, как будто специально решил запомнить на всякий случай, и подмигнул ему в шутку: «Поддруживаешь, студент?»

Это было в ноябре, ясным денечком по морозцу Лиза с Синицким убежали с последней пары через сад, он начинался сразу за нашим факультетом. И я как раз стояла там, немного в стороне, за ветками. Не очень помню имя, с кем целовалась, мне уже неинтересно, а Лизу помню, она смеялась, ее каблучки хрустели на льдинках, в двух шагах от моей яблони.

– Она лежала на спине... – Бражник пытается вспомнить, как будто сам лично все видел. – Она лежала на спине, а Синицкий сел к ней на грудь... Он сам рассказывал об этом сначала одному своему другу, потом второму, потом уже не помню, кто мне говорил... Я, как услышал, так сразу и подумал: «Боже мой! Он ведь даже не подлый! Он всего лишь пустой человек! И за что ему так повезло?»

– Бражник, – Чернушкина его перебила. – Когда ты женишься? – Она кивнула Аллочке: – Ему жениться пора, а он все сидит, все чего-то вспоминает, вспоминает...

– Это же очень красиво! – он вдохновился, развел руками и чуть не лег на стол. – Ты представь: белый ковер, он сидит у нее на груди, она не может шевелиться, и его орган упирается ей в губы...

– О Боже! – Чернушкина застонала.

– А? – Бражник расцвел. – Ты почувствуй, почувствуй накал. Неужели ты никогда не делала минет в такой позе?

– Бражник! – она ему сказала с укором, с материнским. – Успокойся! Ты меня знаешь: я бы в жизни не постелила на пол белый ковер.

7

Аллочка потянулась и начала растирать себе шею. У нее хронический офисный остеохондроз, иногда она крутит головой и прислушивается, хрустит у нее внутри или не хрустит.

– Вот вы меня перебили, – закричала она, – а я хотела рассказать, когда у них на самом деле все началось. Все эти сказочки про руку, про живот – это все, Бражник, твои фантазии...

– Я видел! – он обиделся. – Я прекрасно помню, как он положил свою лапу...

– Фантазии, – Аллочка вредничала и медленно вращала головой, – до родов у них ничего не было. Вы не знаете, а я знаю. По-настоящему Синицкий заарканил Лизу в тот день, когда мы все ходили на концерт «Наутилуса»...

– Я не была, – Чернушкина умыла руки.

Она принялась: где-то совсем рядом воняло тухлятиной. Я тоже услышала неприятный запах, но не сразу сообразила, откуда эта вонь.

– На концерте не была, – Чернушкина повторила. – Не люблю Бутусова. Нытик!

– А я была! – говорю. – Прощальный тур! Кормильцев! «Крылья»! Весь город был заклеен афишами...

– Я помню, я хотел пойти, – Бражник пролез, но сам не знал, зачем, – хотел пойти, но у меня не получилось...

– Ну, во-о-от... – потянулась Аллочка, – а Лиза пошла-а-а.

Аллочка продолжала гимнастику, двигала подбородком вперед и назад, как восточная красавица. И я за ней начала повторять. Дай, думаю, разомну головушку, чтоб время зря не пропало.

– А после «Нау» все собрались в общежитии. Взяли водку и пошли на крышу. Я еще говорила: «На какую крышу? Сейчас дождя ливанет» – но все захотели пить на крыше, там был такой концерт, похлеще «Наутилуса»! Синицкий в этот вечер очень много пел, потому что Гарик не пел...

– А где сейчас Гарик? – я просто так спросила.

– Откуда я знаю? – Аллочка на секунду задумалась, видимо, в позвонках у нее что-то хрустнуло. – Гарик был в хлам. – Она сосредоточилась: – Синицкий пел. И все время пялился на Лизу...

– Пел он неплохо, – заметил Бражник, – по-моему, неплохо пел. Такое сплошь и рядом встречается, ничего удивительного. Сам человек – отстой, а голос у него хороший...

– Я тебя умоляю!.. – Чернушкина перекосилась.

– Нет, зачем же! У Синицкого был вполне выразительный голос...

– У этого засранца? Голос выразительный?

– Нормально пел, – я не хотела отвлекаться и быстро, как стишок, пробубнила: – «На небе вороны, под небом монахи, и я между ними в расшитой рубахе!»

– Не знаю я, как он там пел... – Аллочка показала язычок. – Он как завыл «Я белая птица-а-а-а», мне чуть плохо не стало. Я сразу поняла, что он выделяется перед Лизой. Поет и смотрит на нее... Поет – и только на нее и смотрит!

Я тоже была на крыше, я слышала голос Синицкого, но смотрела в другую сторону. Пел не только он, другие парни тоже пели. Я слушала не Синицкого, а там одного, черненького, не к ночи будет помянут. Я смотрела, как его руки ложатся на струны, и мне очень нравилось, как этот парень прижимает лады, как он держит, ласкает гитару, мне все это нравилось, я запомнила его большие, не красивые, но жутко притягательные крестьянские, квадратные руки и поэтому совсем не запомнила Синицкого.

– Что потом? – я не знала. – Что было потом?

– А потом водка кончилась, – Аллочка на меня посмотрела с упреком, как же я, глупая, не могла об этом сама догадаться, – и все пошли вниз, к тебе, пить твою водку и есть твою картошку... Ты жарила картошку, помнишь?

– О мама! – Чернушкина взмолилась. – Как я сейчас хочу обычной жареной картошки!

У нее была миска с куриной соломкой, она ее вытряхивала из красного перца и обмывала в уксусе, прежде чем проглотить.

– А Синицкий спустился позже, – продолжала Аллочка, – через час, я точно не помню. И говорит: «Мне нужно почистить куртку». Он зашел к тебе в ванную...

– Ко мне? – я этого не помнила совсем. – Я его не видела!

– Ты ничего никогда не видишь, а я видела Синицкого и куртку его видела. Она была грязная, на спине особенно. А я что, дуручка, что ли, совсем? Я что, не поняла, что он свою куртку на крыше стелил? Выглядываю в коридор, а там у нас в потемках, где лампочки вечно не было, стоит Лиза. И улыбается. У нее глаза тогда были невменяемые...

– Да! – Бражник выкинул руку. – Да! Однажды в книжном магазине Лиза увидела репродукции Сальвадора Дали. И у нее глаза так зажглись! Моментально зажглись! Я видел, я сразу понял – сейчас пойдет и отвалит за этот альбом кучу денег.

– А ребенок? – я вспомнила про своих детей и поэтому спросила. – С кем был ребенок?

– С мамой, – Чернушкина знала все, – ребенок был с матерью. Мать с дитем, мать с кастрюлями, с пеленками, мать с коляской...

– Лиза говорила, – Бражник перебил, – что эта помощь ее очень сильно...

– Мать старалась! Мать хотела как лучше. Она откуда знала, что Лиза попрется на крышу? И будет мужу изменять с первым встречным идиотом!

– Какая разница? – я буксанула на Чернушкину. – С идиотом – не с идиотом?

Мне, если честно, все это очень быстро надоело. Если бы не окно, если бы не вид из окна, на белый огромный собор, я бы точно придумала срочное дело и сбежала. Но вид был чудесный. Собор стоит в парке, а в парке осень, и листья падают, листья кружатся, и белая церковь сквозь эту завесу стоит как в золоте, как в золотом конфетти...

– Что значит «какая разница»? – Чернушкина сразу же выкатила очи. – Что значит «какая разница»? У Лизы был муж! Богатый! Высокий! Всё в дом! Я не могу понять, откуда такая безответственность? Какая-то крыша, какой-то Синицкий, ребенок у матери, куртка грязная...

– Да что тут понимать, – Аллочка хмыкнула, – все были пьяные, на крыше грязь, он куртку снял...

– Не понимаю! Я этого всего не понимаю! Я никогда не изменяла мужу!

Чернушкина объявила это так громко, что за стеной, в соседнем кабинете, ей похлопали.

– Хотя предложения поступают регулярно, – добавила она чуть тише.

– Дорогая! – Бражник поймал ее за руку и крепко пожал. – Я восхищен! Передай мои сердечные поздравления своему мужу. Как он, кстати, себя чувствует?

– Он здоров... – она вырвала руку. – Здоров и безмерно счастлив.

– Ну, слава богу! – Бражник выдохнул. – Другой бы на его месте давно умер от такого счастья.

Бражник был очень хорошо знаком с мужем Чернушкиной. И пару лет назад, как обычно, проездом он зашел поболтать к старому другу. Нет, болтать они начали где-то в кафе, а потом решили продолжить дома. А время было позднее, как водится. Чернушкина ложилась спать, открыла дверь, в халате, в бигудях, уставшая, увидела Бражника и не выдержала, что, в общем, понять несложно.

Потом, конечно, как у нас всегда бывает, ее тирада гневная облетела весь город. «Ты кого сюда привел? – она на мужа закричала. – Мне только Бражника на ночь глядя не хватало! А ну-ка спать! Мне утром на работу».

Бражник убрался, друг вышел за ним. Проводил немножко, по дороге всплакнул, говорил, что женился по глупости, что терпит это все из-за детей, но когда они вырастут... «Не обижайся на нее, – попросил друг, – ты же помнишь, она всегда была душой». «Да, я помню, – согласился Бражник, – только раньше дураки были маленькие, и мы не обращали на них внимания. А теперь они стали большие, и мы уже ничего не можем с ними поделать».

Этот многозначительный ответ, не без моей, уж извините, помощи, был широко растиражирован. Я где-то его постила, конечно, не ссылаясь на источник. Тогда мне показалось, что это обалденная цитатка. Против Чернушкиной лично я ничего не имела, эта цитатка мне жутко понравилась не в личном, а в социальном контексте.

– А ты совсем не изменился, – Чернушкина приноживалась то ли к Бражнику, то ли к тарелкам. – Тебя как заморозили! Ты все такой же... нимфоман. Пишешь докторскую по садизму?

– А что еще мне остается делать? – он улыбнулся. – Солнце мое, не повезло мне, не сложилось – у кормушки не пристроился...

– Заткнись! – Чернушкина задергалась. – Я не пойму? Откуда так воняет?

Воняло блюдо, фирменное. Говядина в оригинальном соусе. Чернушкина наклонилась к большой тарелке с мясом, занюхнула и очень удивилась. Мясо на вид было вполне приличное, рубленное мелкими кусочками, с кунжутом или еще с какими-то семечками, но соус был оригинальным, как просили. Из чего он был сделан, узнать никто не рискнул, но мясо воняло тухлыми потрохами. Чернушкина посмотрела на эту говядину с великим разочарованием и спросила нас:

– Никто не хочет?

8

Я достала сигарету электронную, в тайне надеялась, что у кого-то за столом есть настоящие. Настоящих не было, в последнее время мы все начали усиленно заботиться о своем здоро-

вье. Инстинкт самосохранения, которого раньше у нас как будто и не было, проснулся. Аллочка у нас бегаёт по утрам, Чернушкина больше не глотает жареные пирожки, Бражник... с ним тоже все в порядке, он надёжно спрятался в университетских аудиториях от сглаза и от порчи.

– Нет, я не верю, что Лиза могла так легко соблазниться этим... – он снова начал дзынькать пальцами, искал ругательное слово для Синицкого.

– ... уродом! – я ему подсказала, на такой случай у меня всегда есть заготовки.

– Нет! Это не Синицкий соблазнил Лизу, – Бражник соображал на ходу, – это Лиза сама соблазнила Синицкого! Я вообще подозреваю, что проблемы с мужем у нее начались еще до Синицкого. Она сама мне говорила, что вышла замуж, чтобы побыстрее вырваться от матери...

– Да все так делают, – зевнула Аллочка, – все выходят замуж, потому что надо.

– Может быть, может быть... – задумался Бражник и начал гладить себя по вискам, – не помню точно, кто мне говорил...

«Не помню точно, кто мне говорил» – это наш обычный заход, мы все так начинаем, перед тем как вывалить что-то конфиденциальное. Только секретов у нас остается все меньше и меньше.

– Я слышал, – выдал Бражник, – что Лиза сама просила у наших девок ключ от комнаты...

– Я тоже слышала, – говорю. – Я давала ей ключ.

– Вы меня достали! – зашумела Чернушкина. – Мне просто дико это все слышать! У Лизы была семья! Семья – это не бордель, семья – это опора. У Лизы был муж! Богатый! Порядочный...

– Высокий! – подсказала я.

– Да, – она вдохнула глубже, – и что еще надо было? К чему все это?.. Зачем?! Я не пойму, зачем? Не шалавиться надо было, а заниматься сыном!

– В том-то и дело! – Бражник сжимал свои длинные пальцы, наверно, захотел придушить Чернушкину. – В том-то и дело! Ты у нас всегда была практичной. Ты все учила наизусть. А Лиза была другой! Лиза была воздушным человеком! Она себя искала! Она пыталась себя понять! Что в этом плохого?

– Ничего, – Чернушкина стряхнула с юбки какие-то крошки, – ничего плохого в этом нет. Если летальный исход тебя не смущает.

– А меня не смущает летальный исход! – это Аллочка выдала, как всегда, неожиданно. – Когда я еду в лифте, я всегда вспоминаю Лизу. У нас в банке большой стеклянный лифт, когда он доезжает на десятый, мне хочется сигануть оттуда к чертовой матери. Только чтобы больше никогда не видеть этот проклятый банк и эти прилизанные рожи!

Чернушкина шмякнула о стол китайское меню.

– Хочешь оргазмов? – она почему-то на меня посмотрела. – Так сядь! Подумай! Почитай научную литературу... Почему нужно сразу изменять мужу? Да еще с этим идиотом! В этой вонючей общаге? Почему?

9

Все верно, все верно. Общага и правда была вонючей, особенно когда вьетнамцы жарили тухлую селедку.

Лиза прибегала туда после первой пары. Лекция заканчивалась в 9.40, в это время я только выползала из своей комнаты. У лифта стоял мой сосед, сонный Гарик, немножко помятый. Мы оба зевали, пешком было лень.

Двери открывались, выходил Синицкий и на ходу забирал у Гарика ключ от комнаты. А Лиза уже бежала, уже взлетала по лестнице, подметала нашу пыль своим плащом и появля-

лась в холле румяная, пролетевшая шесть этажей... Да и глаза, я помню, у нее были неменяемые. Возможно, они были просто счастливые, но мы привыкли говорить: неменяемые глаза.

И вот я заходила с Гариком в потертый наш лифток и думала: «Зачем Лиза бежит в эту комнату? Почему так торопится в эти жалкие шестнадцать метров?»

Что творилось у нее в голове, я не могла представить. Что такого интересного было у Лизы в той халупе, прокуренной, серой, где вместо занавески висело шерстяное одеяло, постель была всегда несвежей и грязные носки валялись под кроватью? И тараканы, тараканы выползали из-под шкафа на паркет затоптанный... Да, конечно, там был еще и Синицкий. Но я его не помню.

Я ее не понимала, я и сегодня не могу влюбляться в маленьких закрытых помещениях, в тесных квартирах, в гостиницах и в комнатах на час, для любви мне нужен простор, ландшафт, водоем, кислород... Окурки, вонь, сквозняк – в общаге меня все это раздражало, я каждый день хотела побыстрее убежать из этого убожества. А Лиза прибегала из мягкой, тепленькой квартирки, нетерпеливая, пешком летела на шестой...

Потом, конечно, годочков через десять, до меня дошло. Да, вонь, да, грязь, и теснота, и тараканы, и Синицкий... А что поделать? Куда нас только не заносят наши женские метанья, все эти бешеные поиски... Мы ведь не знаем, что и где искать, поэтому и кружимся вокруг случайных фонарей. Со стороны это выглядит забавно, иногда напоминает одержимость, чаще – примитивный разврат. Поэтому в нас и швыряют гнилыми яблочками. А нам без разницы. И мне по барабану, кто там что подумает, и Лизе было наплевать.

– А я вот помню один момент... – Бражник прищурился. – Это было на лекции... Кажется, по русской литературе...

Чернушкина его на всякий случай перебила:

– Не вздумай пересказывать нам лекцию!

– Не буду, – он великодушно улыбнулся, – но могу.

И снова заспешил, засуетился, как будто Лиза убегала, как будто образ нужно догонять.

– Она сидела в третьем ряду, а Синицкий выше, в четвертом. И я увидел, как он тянется рукой... Вниз, к ней он потянулся и погладил ее волосы... Он слушал лекцию, смотрел на кафедру, а этот жест, он вышел у него сам по себе, непроизвольно. Он погладил ее осторожно, почти не касаясь... Меня это так удивило, я еще подумал тогда: «Ну вот откуда, вот откуда у этого жлоба может быть такая спонтанная нежность!?»

– Спонтанная нежность... – я повторила, – спонтанная нежность... Что-то знакомое...

– Так, не смешите. А то я подавлюсь, – Чернушкина откашлялась, – Дайте мне поесть спокойно. Нежность! Да просто у него стоял с утра – вот и все! Пока стоит – у него нежность, а в морду получил – и как бабушка отчитала!

Чернушкина была голодна или мне так казалось, потому что ела она очень быстро. Ей принесли обычный белый рис, и она его пылесосила с тарелочки зернышко за зернышком, палочки у нее в руках скакали, как родные.

– Кушай, кушай, избранница ты наша народная, – сказал ей Бражник, – где ж ты палочками так ворочать научилась?

– В Китае, Бражник, в Китае. Мы ж теперь с Китаем дружим, вот мы взяли всей пресс-службой – и в Пекин!

– Самолетом, – он усмехнулся, – или... своим ходом?

Чернушкина его послала примерно на ту же дистанцию, что до Пекина. Аллочка хихикнула, а мне все это было совершенно не смешно. Я смотрела на листья, и у меня не очень получалось. Я пыталась схватиться глазами за какой-то листок, но мое внимание все время уходило от медленной и плавной траектории. Я отвлекалась, начинала смотреть на машины, которые двигались медленно плотным рядом. В открытом грузовичке стоял медведь, не живой,

конечно, большое чучело медведя. Он стоял на задних лапах, а в передних держал большое черное блюдо. Медведь качнулся, когда машина тронулась, и один несчастный пьяненький листок упал к нему на тарелку.

А нежность и правда исчезла. Как только вмешался муж, сразу исчезла нежность. Муж поймал Лизу весной, как раз на 8 марта. В честь праздника мы собрались в «Стекляшке», была у нас поблизости дешевая кафеха.

Меньше всего в тот вечер я думала про Лизу и про Сеницкого. Я купила себе новые сапожки, натянула короткую юбку и бесилась с подружками, тогда у меня были подружки Натальюшка и Кароян. Мы раз двадцать включали одну и ту же песню и танцевали, прыгали рядом с колонками. Я не сразу заметила, когда появился Сеницкий. Он приехал позже всех, один, без Лизы, с разбитой рожей. Аллочка завизжала, и мы подошли взглянуть.

Левый глаз был подбит достаточно сильно. Капилляры лопнули, сразу пошел отек, еще не черный, бордовый, с кровью, с грязью... Ужас. И губы тоже были в крови, верхняя треснула. Смотреть было неприятно, чего там рассматривать, я шарахнулась в сторону и дальше пошла танцевать.

Это Аллочка помогала Сеницкому умыться, искала в своей косметичке что-то дезинфицирующее. Кто-то крикнул, кажется, Гарик кричал: «Водки!» Сеницкому налили в стакан и немного капнули на рожу. Никто не спрашивал «откуда? что случилось?». Всем и так было ясно: муж Лизы его избил, ничего особенного и неожиданного в этом не было.

В этот вечер Сеницкий ждал Лизу возле дома. Она немножко закопалась, сушила волосы, мокрые после ванны. На улице был холод, мороз ударил небольшой, но ветер поднялся сильный. Я помню хорошо тот ветер, идешь по улице – и он снимает твою пальто. Сеницкий постоял на углу, в легкой куртке, замерз и зашел в подъезд.

Лиза накручивала волосы на щетку. Фен гудел, и она не слышала, да и не слушала, что говорил ей муж. Фен гудел на ухо, и до нее долетали только отдельные слова: «дом», «свинарник», «выходной», «матери», «привезу», «кино» ... Это означало следующее: останься дома, не уходи на ночь глядя, почему тебя тянет в этот свинарник, в кои-то веки у меня выходной, сейчас мотнись до тещи, привезу сына, посмотрим кино...

Муж не хотел отпускать, все его в этот вечер настораживало: и фен, гудящий слишком долго; и цветочки на столе; рядом с зелеными яблоками появился отвратный букет – мимоза-тюльпаны... Но скорее всего, выходной – Лиза убежала из дома в выходной, это большая, большая ошибка неопытных жен. С любовниками мы встречаемся только во время рабочей недели, пока муж занят. А выходные – святое время, выходные нужно отдавать семье. Лиза нарушила это твердое правило, поэтому, как только за ней закрылся лифт, муж вышел на лестницу. Он спустился тихо, и на первом, в фойе, увидел Лизу и Сеницкого. Они целовались.

Эту сцену многие из нас успели подшить в свои статейки по семейной психологии. Кто-то очень талантливый уверял, будто Лиза кидалась на мужа и визжала: «Не бей, я его люблю». И будто бы Сеницкий отвечал: «Бей! Бей меня, я все равно ее люблю». Это, конечно, полная чушь. На самом деле все было гораздо спокойнее. Лизу оттолкнули в сторону, к лифту. Она не мешала, стояла там молча. Муж размахнулся сразу, и Сеницкий упал после первого удара. Он валялся на полу, подняться, ответить не пытался, только закрывал лицо. Это длилось недолго, вмешались соседи.

Время было не очень удобное, вечером люди возвращались домой, мужчины все как один, тащили женам мимозы и тюльпаны. Выходной! Все спешили в семью, соседи очень удивились, что их сосед уравновешенный приятный молодой человек вдруг начал бить человека ногами. Соседка с первого спросила Лизу, не нужно ли вызвать милицию. Лиза ответила «не надо». Воплей не было. Разнимать не пришлось. Муж остановился сам. Сеницкий поднялся и вышел

из подъезда. Говорили, что он убежал, но нет, он просто вышел, во всяком случае, его никто не догонял.

Это была первая драка, вторая случилась чуть позже в саду у нашего факультета.

После праздников на занятия Лиза не пришла, но муж приехал в деканат, чтобы забрать ее документы, он сообщил, что она больше не будет с нами учиться. Синицкий в этот день вел себя как обычно, никакого страха или депрессии заметно не было, хотя точно сказать тяжело, потому что глаза он прятал за темными очками, он не хотел пугать людей своим страшным синяком. Глаз заживал долго, Синицкий ходил в темных очках больше месяца, Лизу уже похоронили, а он все еще не снимал очков.

Муж нашел его в курилке, они отошли в дальний конец сада. Кто-то из наших парней говорил, что в кустах Синицкого ждали трое, что муж Лизы привел своих друзей... Это было неправдой, к тому же никто из тех, кто развивал эту тему, с Синицким в сад не выходил. Он вернулся к следующей паре, видимых повреждений, крови, новых синяков у него не было.

Синицкий, вопреки обыкновению, подробностями разговора с мужем не делился, но сразу после этой встречи у него появилась новая девушка. И я не знаю, мне совершенно наплевать, откуда взялась эта новая девка и почему она появилась так быстро. Нашлась поблизости, работала у нас в библиотеке или в буфете, я не помню. Я не хотела знать чужую хронику, не собиралась смотреть это шоу, но мне его настойчиво показывали. Синицкий зажимался с новой дамой на самом видном месте, в нашем холле у раздевалки, там, где я ждала свое пальто.

10

– Он сказал, что ему угрожали пистолетом, – Аллочка очень любит эту версию.

Я хотела сказать «брехня», но Чернушкина меня опередила.

– Брехня! – она отрезала. – У Лизы в доме не было оружия. Я знаю точно!

– Может, дома и не было, но Синицкий сказал, что ему угрожали.

– Да, да, да, – Бражник вспомнил, – Синицкий говорил про пистолет. Всем, он сразу всем про это говорил, это было на тренинге по психологии...

– Я не была, – я пропустила этот тренинг, не помню, где меня носило.

– Да, да, ты опоздала, – Бражник и это зафиксировал, – нас попросили вспомнить самый тревожный момент своей жизни. И тогда Синицкий сказал, я это слышал своими ушами, он сказал, что однажды он стоял под дулом пистолета, и ему было по-настоящему страшно за свою жизнь.

– «Под дулом пистолета»? – меня немножко замутило, но я зачем-то еще раз повторила. – Неужели так и сказал «под дулом пистолета»?

Бражник налил мне водички и с сожаленьем подтвердил:

– Да. Увы. «Под дулом пистолета», «страшно за свою жизнь» ... И еще что-то он выдал... Что-то было еще...

– Непростое решение! – вспомнила Чернушкина. – «Я был вынужден принять непростое решение» – он сказал. И-ди-от!

– Меня сейчас вырвет, – я отмахнулась салфеточкой, мне стало очень неприятно от такого текста. – Нет, так нельзя... Нельзя так врать. Врать нужно тоньше, врать нужно спокойнее, с душой... Он мог бы честно сказать: «муж попросил – я его понял»... Его вообще никто не спрашивал!

Аллочка обсасывала маленькую креветку, она это делала не спеша, аккуратно, над тарелкой, чтобы не закапать свой офисный пиджачок.

– А зачем Синицкому врать? – она уставилась на меня. – Тренинг был, когда Лизу уже похоронили, зачем ему было врать после похорон?

– Не было пистолета! – Чернушкина на нее рывкнула. – Я точно знаю! Ему еще повезло, что пистолета не было...

– Но зачем ему врать?

– Потому что он идиот! – у Чернушкиной не было аргументов, зато она оказалась очень настойчивой. – И-ди-от! – она повторила четко по буквам.

Аллочку это не пробивало, она как хлопала ресницами, так и продолжала хлопать.

– А если правда угрожали пистолетом?

– Да как же ты не понимаешь? – Бражник начал ей объяснять. – Синицкого всегда интересовало только общее впечатление. Вот вспомните, ну хоть одну нормальную статью он написал? Ни одной. Зато у него были корочки. «Пресса»! Он проходил бесплатно на концерты с этими корочками. Ни одной рецензии, а на концерты проходил. Всегда у него были брелки от непонятно какой тачки, и вечно он звенит, звенит своим брелком... Да мне противно было наблюдать, как он стоит у писсуара и достает...

– Так, прекрати! – Чернушкина отодвинула свою тарелку.

– Да ты сама бы посмотрела, с какой мордой он это делал! Стоит и на всю ивановскую предъявляет нам свой орган...

– Не говори орган! – завизжала она. – Никогда больше не говори орган! Я тебя ненавижу! Меня трясет, когда ты говоришь орган!

– А сейчас все говорят орган, дорогая моя! – Бражник пошевелил пальцами, как будто выпускал коготки. – Раньше говорили по-другому. Раньше у нас было хорошее русское слово, а теперь – всё! Всем отрезали! Теперь у нас нет ничего интересного, только органы!

– Так, Бражник, успокойся, – Чернушкина схватилась за стол, – я не хочу с тобой разговаривать. Мы все равно никогда не пойдем друг друга.

– Отчего же, дорогая моя? Я тебя отлично понял, – он улыбнулся ласково и заявил: – У тебя проблемы с оргазмами! Вы там все в своей Думе не кончаете. Вы лезете командовать, потому что власть заменяет вам секс. У вас, наверно, к этому врожденная предрасположенность, поэтому вы туда так и прете, и прете... Вы кончаете от власти! А в постели вы все – бревно!

– Я не бревно! – Чернушкина расстегнула пиджак. – У меня двое детей! В отличие от тебя, Бражник, я замужем пятнадцать лет!

– Да ты ведь так и не открыла!.. – он ей пропел с надрывом. – Ты понимаешь, ты так громко говоришь «я —мать!», «я —жена!», потому что ты так и не открыла в себе женщину. Ты полюбуйся, полюбуйся на себя, ну разве ты женщина? Ты не женщина, Чернушкина, ты – начальство!

– А ты открыл в себе мужчину? – она задергалась, пытаясь вылезти из рукавов. – Ты открыл? Извращенец! Ты извращенец, и поэтому ты до сих пор не женился!

– А может, мы выйдем? – Аллочка пыталась влезть между двух огней. – Мы пойдем, а вы тут оставайтесь лаяться?

Бражник усмехнулся в лучших, в лучших традициях драмтеатра и снова руку на висок, и грустные глаза – все по науке Бражник сделал.

– Какие вы грубые люди, – вздохнул он, – в своей... Дум-ме-э-э. А самое страшное, что и других вы судите по себе...

– Бражник, отстань!

– Чернушкина, дорогая, ты только честно мне скажи, вот честно мне скажи, и я отстану. Ты можешь предположить, может быть, тебе приходило в голову, что все люди разные? Или хотя бы не такие, как ты?

Чернушкина поправила свою рубашку, хорошая рубашечка на ней была, кстати, в полосочку, вполне приятная рубашечка.

– Бражник... – она отдышалась, – я с тобой согласна. Я с тобой на все сто согласна. Ты не такой, как мы. А мы – нормальные люди. И для нас, для нормальных русских людей, самое важное – дети.

– Дети? – он засюсюкал.

– Да, дети! – она оскалилась. – А все остальное – говно! И мужики, и деньги, и ваше сраное творчество, и твои идиотские оргазмы! Ради ребенка плюнешь на все...

– Блестящая речь! – Бражник похлопал, и за стеной, в соседнем кабинете, его активно поддержали. – Я все понял, дети – главное. И поэтому ты, дорогая моя, бросила своих детей свекрови и поскакала аж сломя голову в свою любимую Дум-му-у. В начальство!

– Ради детей! – закричала Чернушкина.

– Конечно! Кто сомневается? Я уже вижу предвыборный слоган! – Бражник вскочил и объявил во все горло. – «Любовь Чернушкина! Ха! Ха! Ха! Ха! Все ради детей!» «Ради своих детей!» – этот момент не забудь уточнить, дорогая.

– Не ори! – она схватила его за пиджак и шепотом объяснила: – Нас могут услышать. Я публичный человек... В городе меня знают... Меня могут узнать...

Бражник согнулся, схватился за живот, стукнулся лбом о столешницу, плечи у него затряслись. Он открывал рот, как дышащая рыба, но все никак не мог расхохотаться. Бражник покраснел и начал задыхаться. А я смотрела на листья.

По тротуару проходили люди, иногда они заглядывали в окно, в ресторан. Толстый корытщик в светлом плаще посмотрел на меня и обиженно отвернулся, на плече у него сидел кот, они проплыли медленно вдвоем куда-то в направлении вокзала. А листья падали, кружились, и ветер не давал им приземлиться, они летели за толстяком, догоняли. Кот сидел на плече неподвижно, как сфинкс, и внимательно наблюдал за кленовым листочком.

Аллочка мне что-то говорила, кажется, она сказала, что собирается уйти из банка.

– Продержусь до Нового года, а потом уволюсь. Сейчас не могу, сейчас я потеряю бонусы...

Я это слышала лет пять назад, поэтому не очень прониклась, я все равно ничего не понимаю про бонусы, про соцпакет.

– А знаешь... – вздохнула она. – Иногда я думаю, что Лиза сделала правильно. Она умерла на эмоциях, на волне... Еще неизвестно, что лучше: умереть сразу или медленно каждый день убивать в себе женщину...

«Опять „женщину“! – я подумала. – Что-то все как с цепи сорвались, все говорят про какую-то женщину».

– Ты что, убиваешь? – я ей не верила.

Она улыбнулась и опять похлопала ресницами, мне показалось, она их все-таки немножко нарастила.

Я засмеялась, у нас принято смеяться, если хочется жалеть, и поэтому я засмеялась:

– Уолт Дисней представляет. Фильм ужасов для домохозяек. «Убей в себе женщину, или женщина убьет тебя».

Аллочка обиделась, мы все вообще обидчивые жутко, она поджала губы и тоже начала смотреть в окно.

Мимо шагала женщина, высокая брюнетка, в джинсах, лет за сорок. Так вроде бы и симпатичная, но губы у нее были недовольные, уголками вниз. Она несла в руках горшок с большим зеленым кактусом. Ствол у кактуса был длинным, тонким, напоминал по форме... орган. Маленький желтый листок закружился над этим кактусом и прицепился на острую колючку.

– Кстати, Бражник, – сказала она, – я тебя сейчас, наверное, сильно разочарую, но слухи про орган Синицкого были сильно преувеличены.

– Ой, боже мой, да мне уже давным-давно без разницы, – он отмахнулся, но быстренько переспросил: – А ты откуда знаешь?

– Оттуда!

– Оттуда? – Чернушкина удивилась.

– Да, оттуда! – повторила Аллочка. – И не надо на меня так смотреть!

– Я не смотрю, – я правда не смотрела на Аллочку, я смотрела на листья.

– Тьфу! – Чернушкина отшвырнула китайские палочки. – Вот не дадут поесть спокойно!

Вот просто тьфу! И сказать больше нечего!

Чернушкина как-то слишком уж долго плевалась, а Бражник ссутулился, нос его длинный грустно повис над тарелкой с вонючей говядиной. Эта новость ему показалась невкусной, неприятной.

– Но почему же нечего сказать? – он посмотрел на Аллочку жалостливо, как старушка. – Расскажи. Вы же знаете, я правда очень люблю всякую похабень.

– Не рассказывай, – я попросила.

– Да что там рассказывать, – Аллочка процедила, – в конце декабря уже елки стояли... Синицкий ждал Лизу в комнате у Гарика. Я ждала Гарика, Гарик загулял в редакции... А Лиза не пришла.

– И как потом... – Чернушкина не успела задать свой вопрос.

– Никак потом! – Аллочка на нее рассердилась. – Потом Синицкий попросил, чтобы я не рассказывала Лизе. А я не собиралась ей рассказывать!

Я опять потянулась к воде, не знаю, от чего меня мутило, я ничего почти не ела, если не считать кусок хлеба и несчастный маринованный имбирь.

– Разве можно об этом просить? – мне стало грустно. – Что ж такой невоспитанный мальчик...

– Мальчик! – усмехнулась Чернушкина. – Да какой он мальчик? Он кабан!

– Вот да! Да, да, да! – Бражник искал нужное слово, он шарил в воздухе руками и повторил. – Кабан! Какое это точное, какое это объемное понятие! Кабан! Простейший живучий кабан! А Лиза была нежная, Лиза была воздушным человеком, она потому и пришла в такой ужас... Ой, как я ее сейчас понимаю!

Бражник все время двигал предметы: свою тарелку, бокал, корытце с соусом, салфетницу; он все переставил, навалился животом на стол и нас к себе поближе собрал под крылья.

– Послушайте, послушайте, что я скажу, – он перешел на шепот, – там, на балконе, к ней пришло осознание. Лиза все поняла! Она-то думала: вокруг нее мужчины, вокруг нее люди, а рядом оказались одни кабаны! Это же страшно... Страшно!

– Да все мужики такие же точно! – Аллочка стряхнула его руку. – Синицкий – обычный мужик. Чем он мог ее спровоцировать?

– День рождения! – я наконец-то нашла, что ему предъявить. – Зачем он устроил тот день рождения?

– Да Лиза замужем была! – закричала Аллочка, ей кстати, нравились всегда мерзавцы, я это вспомнила потом. – Он ей вообще ничего не должен! Это его было личное дело – устраивать день рождения или не устраивать! Синицкий не толкал ее с балкона, она сама пошла и сиганула! Потому что Лиза эгоистка! Она это сделала всем назло!

Аллочка, когда сказала «всем назло», я сразу вспомнила историю про аспириин. В последнем классе у нее была короткая связь с мужем старшей сестры. Это он ей объяснил, что все мужчины одинаковы, что отношения могут прерываться и не обязывать.

«Ты поняла?» – он у нее спросил. «Да, поняла», – она согласилась.

После этого Аллочка захотела сделать всем назло. Она выпила несколько пачек аспирина, не знаю, сколько именно. Слава богу, она после этого сразу же испугалась и прибежала к маме: «Мама! Я аспирином отравилась!» Вызвали скорую, недельку подержали девочку в больнице и вернули домой. «Зачем травилась?» – спрашивали, но Аллочка никому ничего не рассказывала.

В июле, когда солили огурцы, соседка кричала во двор через стежку:

– Девчонки! У вас аспирин нету? А то мне в банки нечего ложить.

– Не-е-ету, – ей отвечали, – у нас аспирин нету. Алка весь выпила.

В июле огурцы закрутили, а в сентябре Аллочка уехала в университет, учиться.

Бражник этих тонкостей не знал, поэтому все принял близко к сердцу.

– Как ты можешь? – он разволновался и пальчиками сразу дзынь-дзынь-дзынь. – У Лизы был шок! Болевой шок! У нее разрывалась душа!

– Лиза – истеричка! – Аллочка не шелохнулась. – Истерички всегда играют на публику.

– Какая публика? Какая публика? Она одна стояла на балконе!

– Бражник! – Чернушкина вмешалась. – Что ты мне голову забиваешь? Болевой шок, какой болевой шок?.. Лиза была здорова, она была психически здорова. Могла бы потерпеть!

– Да, солнце? Ты так уверена? А может быть, как раз в тот момент она и не была здорова? Может быть, у нее был приступ? Всего на несколько минут?

– Извини меня, Бражник, конечно, – Чернушкина как-то странно надулась и покраснела, – Лиза сейчас в гробу перевернется, но я должна сказать... – она тряхнула головой, помоему, слишком сильно и закричала: – Истерика – это не болезнь! Истерика – это безответственность! Без-от-вет-ствен-ность – и никакой не приступ!

Чернушкина говорила «безответственность» четко по слогам, точно так же, как мама ей в детстве внедряла. Это было не очень приятно слушать, как будто по мозгам стучали барабанной палочкой. Зато на пользу все пошло, на пользу, Чернушкина усвоила и выросла ответственной.

Бражник вспотел и стянул с себя свитер.

– Дорогая моя! – он всерьез разозлился. – Открой любой учебник, любой словарь по психологии открой, там для таких, как ты, специально русским языком написано: «истерика – это реакция на боль». Реакция на боль! У Лизы был шок, в таком состоянии она не могла себя контролировать...

– Не верю! – Чернушкина затопала ногами. – Все себя контролируют! Когда надо, все всегда себя контролируют!

И меня захватило, меня заводят чужие вопли, и листья, их плавное кружение, не помогают успокоиться, когда кругом шумят. Я тоже влезла в эту свару.

– Никто себя не контролирует! – я закричала. – Все люди бесятся! Психуют все! Не надо делать вид, что это патология! Это вообще нормально для любого человека: когда тебе больно – орать!.. – мне не хватило запала, последнее я промямлила: – Или что-нибудь сделать такое быстрее, чтобы эту боль убрать...

– Хорошо! – Чернушкина ответила традиционно, я так и знала, что она так ответит. – Отлично! Тогда давайте все будем прыгать с балконов! Первая пошла – и все за ней! С пятого! С десятого! Чуть что не так, чуть где кольнуло – а мы с балкона!

Бражник прицелился, но поставил стакан на место.

– Опять! Ты опять?! – он на нее замахал. – Почему ты заранее считаешь всех людей идиотами?

– Всё! Вы мне надоели! – Аллочка встала. – Вы все психопаты, я от вас ухожу!

Она сняла с вешалки пальто, оделась, накрутила шарф, взяла сумку и снова села на свое место. А сумочку положила на коленки, у Аллочки была маленькая красная сумочка, из кармашка торчали тонкие кожаные перчатки, зеленые, если не ошибаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.